

Б. В. ТОМАШЕВСКИЙ

НЕЗАВЕРШЕННЫЕ КИШИНЕВСКИЕ ЗАМЫСЛЫ ПУШКИНА

1

Сообщая А. Дельвигу об окончании „Кавказского пленника“, Пушкин писал (23 марта 1821 года): „... еще скажу тебе, что у меня в голове бродят еще поэмы, но что теперь ничего не пишу. Я перевариваю воспоминания и надеюсь набрать вскоре новые; чем нам и жить, душа моя, под старость нашей молодости — как не воспоминаниями?“ (XIII, 26).¹

Действительно, к 1821—1822 годам относятся несколько замыслов незавершенных поэм, оставленных Пушкиным в разных стадиях работы. Сюда относятся замысел „Вадима“, план поэмы о разбойниках, поэмы о гетеристах, „Актеон“, „Бова“, „Мстислав“. Темы разнообразны, и каждая поэма, если бы они все были окончены, представляла бы нечто совершенно особое, не сходное с другими. В этих замыслах представлены и исторические и сказочные темы, и современные события, и античный миф. К крупным замыслам этого времени следует отнести и неосуществленную комедию об игроке.

Имя новгородца Вадима встречается в сравнительно поздних источниках. В Никоновской летописи (XVI в.) под годом 6372 (864) сказано: „Того же лета оскорбишася новгородцы глаголюще, яко быти нам рабом и многа зла всячески пострадати от Рюрика и от рода его. Того же лета уби Рюрик Вадима храброго и иных многих изби новгородцев советников его“.² В „Истории российской“ В. Н. Татищева, пользовавшегося летописями, ныне неизвестными, под 869 годом сказано: „Славяне бежали от Рюрика из Новгорода в Киев, зане убил Вадима храброго, князя славенского, иже не хотеша яко рабом быти варягом“.³

¹ Здесь и в дальнейшем цитируется по изданию: Пушкин, Полное собрание сочинений, тт. I—XVI, Изд. Академии Наук СССР, 1937—1949.

² Полное собрание летописей, т. IX, СПб., 1862, стр. 9.

³ В. Н. Татищев. История российская, кн. II. М., 1773, стр. 13.

Карамзин довольно скептически отнесся к преданию о Вадиме, но сопроводил известие о нем любопытными размышлениями: "...не знаем, благословил ли народ перемену своих гражданских уставов? насладился ли счастливо тишиною, редко известною в обществах народных? или пожалел о древней вольности? Хотя новейшие летописцы говорят, что славяне скоро вознегодовали на рабство, и какой-то Вадим, именуемый *храбрым*, пал от руки сильного Рюрика вместе со многими из своих единомышленников в Новгороде — случай вероятный: люди, привыкшие к вольности, от ужасов безначалия могли пожелать властителей, но могли и раскаяться, *ежели* варяги, иноземцы и друзья рюриковы, утесняли их — однако ж сие известие, не будучи основано на древних сказаниях Нестора, кажется одною догадкою и вымыслом".¹

Вадим вошел в литературу как борец за гражданскую свободу. Писатели XVIII и начала XIX века рассматривали его, на основании летописных данных, как защитника исконной славянской вольности, восставшего против самодержавия Рюрика, представителя иноземной самодержавной власти. Писатели не входили в критику летописных известий и их интерпретации у Татищева. Самая скудость известий открывала широкое поле для вымысла. В зависимости от своего политического направления писатель давал то или иное освещение столкновению Вадима и Рюрика. Екатерина II в „Историческом представлении... из жизни Рюрика“ (1786) стала на сторону Рюрика, Я. Княжнин в трагедии „Вадим Новгородский“ дал иное освещение его деятельности; зато и трагедия эта была под запретом.

Декабристы часто обращались к новгородской вольности как исторической картине исконной, присущей русским гражданской свободы, идеализируя прошлое и окружая имя Вадима ореолом революционного героя. Так, В. Ф. Раевский в послании „Певец в темнице“, вспоминая свободный Новгород, говорил о героях, защищавших волность:

Но там бессмертных имена
Златыми буквами сияли;
Богородная жена,
Борецкая, Вадим, — вы пали!
С тех пор исчез, как тень, народ,
И глас его не раздавался
Пред вестью бранных непогод.
На площади он не сбирался
Сменять вельмож, смирать князей,
Слагать неправые налоги,
Внимать послам, встречать гостей,
Стыдить, наказывать пороки,
Войну и мир определять.
Он пад на край своей могилы,

¹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. I. Изд. 2-е, СПб., 1818, стр. 115.

Но рано ль, поздно ли, опять
Восстанет он с ударом силы!¹

В неоконченной думе Рылеева Вадим произносит такую речь:

Грозен князь самовластительный!..
И настанет час решительный,
Час для граждан роковой...²

(«Вадим»).

Эти стихи достаточно показывают, в каком смысле вспоминали имя Вадима. Он был символом славянской свободы, вдохновлявшей декабристов в сегодняшней борьбе. Варяг Рюрик с его самодержавием и славянин Вадим с его вольнолюбивой мятежностью означали два лагеря, ясно определившиеся в современной декабристам обстановке: с одной стороны самодержавная бюрократия, насыщенная иностранными выходцами, преимущественно немцами, с другой — русский народ с вольнолюбивыми патриотами во главе. Конечно, к современной обстановке применялись стихи Рылеева:

До какого нас бесславия
Довели вражды граждан!
Насыляет Скандинавия
Властелинов для славян!..³

Поэта не заботила историческая точность или достоверность фактов, взятых из исторических преданий. Важна была их правдивость на сегодняшний день, их действие на свободолюбивые умы, воспламененные любовью к народу.

Пушкин задумал обработку сюжета о Вадиме в дни тесного общения с Владимиром Федосеевичем Раевским.

Майор Раевский, адъютант Михаила Орлова, был наиболее яркой фигурой в той ячейке декабристов, которая группировалась в Кишиневе вокруг дивизионного командира М. Орлова. Трудно установить, существовала ли тайная организация в Кишиневе после роспуска Союза благоденствия. Как известно, официально Орлов вышел из тайного общества. Члены этого общества, находившиеся в Кишиневе, могли и не считать себя после ликвидации Союза объединенными в конспиративной организации. Но они продолжали действовать так же, как они действовали бы и при существовании подобной организации. Они вели пропаганду в войсках через солдатские школы, организованные по программе М. Орлова. Во главе этих школ стоял В. Ф. Раевский.

¹ В. Раевский, Стихотворения, изд. 2-е, изд. „Советский писатель“, 1952, стр. 153—154.

² К. Рылеев, Полное собрание стихотворений, Изд. писателей в Ленинграде, 1934, стр. 185.

³ Там же.

Начальник штаба второй армии П. Д. Киселев, который был достаточно осведомлен в том, что делалось в армии, в официальной записке 1822 года дает характеристику лиц, связанных с М. Орловым. По его словам, Орлов „окружил себя людьми, коих правила и поведение всем были известны с невыгодной стороны. *Раевский* — разрушитель дисциплины в 32-м Егерском полку, был назначен начальником всех учебных заведений. Раевский в том же полку говорил всем и всей роте своей, что требуемое начальством есть вздор, — командовал учебною командою. *Липранди* при лице дивизионном командире не скрывал свободомышления своего. *Охотников* — мечтатель политический, имел управление ланкастерской школой. Другим лицам провозглашали мнение Орлова и новое для подчиненных существование; говорили, что противники системы и просвещения будут уничтожены“.¹

Именно среди этих лиц, к которым можно присоединить еще несколько имен, постоянно находился Пушкин. Все они состояли членами масонской ложи „Овидий“. Может быть, именно отсутствие тайной организации в еще большей степени разрушало грань между Пушкиным и бывшими членами Союза благоденствия в их политической деятельности. В донесениях тайных полицейских агентов имя Пушкина не отделялось от имен тех, кто был связан с декабристскими организациями. Вот донесение одного секретного агента (В. Базанов предполагает — Сушова), начало которого привожу без пропусков, чтобы ясна была связь имен и их выбор:

„В Ланкастерской школе говорят, что кроме грамоты учат их и толкуют о каком-то просвещении.

„Нижние чины говорят: дивизионный командир наш отец, он нас просвещает. 16-ю дивизию называют орловщиной.

„Майор *Патаракки* познакомился с агентом начальника главного штаба Ариштейном. *Пушкин* ругает публично и даже в кофейных домах не только только военное начальство, но даже и правительство.

„*Охотников* поехал в Киев, просить дивизионного командира, чтобы он приехал скорее.

„*Липранди* (Ив. Петрович) говорит часовым, у него стоящим: «Не утаивайте от меня, кто вас обидел, я тотчас доведу до дивизионного командира. Я ваш защитник...»“.²

Так объединялись имена деятелей тайного общества и Пушкина.

Между тем кишиневские декабристы, если и не организовывали новой ячейки, не порывали сношений с другими членами тайной организации. Известно, что перед арестом В. Ф. Раевский, предупрежденный Пушкиным, уничтожил документы, свидетельствующие о таких сношениях. Приезды Пестеля, повидимому, связаны были с конспиративными переговорами.

¹ В. Г. Базанов. Владимир Федосеевич Раевский. Изд. Академии Наук СССР, 1939, стр. 39.

² „Русская старина“, 1883, т. XL, декабрь, стр. 657—658.

В. Ф. Раевский был образованный человек, поклонник „просвещения“. Особенно привлекали его исторические и географические (т. е. преимущественно политические) знания. Записанный им „Вечер в Кишиневе“, ¹ эпизод из его бесед с Пушкиным, характеризует его отношение к поэту. Сам будучи поэтом, он живо интересовался творчеством Пушкина. Пушкин, конечно, прислушивался к мнениям В. Ф. Раевского. В своих обширных замечаниях на работу П. Бартенева „Пушкин в Южной России“ И. П. Липранди говорит, что Пушкин, „яро самопризнающий свой поэтический дар и всегдашнюю готовность стать лицом со смертью, смирялся, когда шел разговор о каких-либо науках, в особенности географии и истории, и легким, ловким спором как бы вызывал противника на обогащение себя сведениями; этому не раз был я также свидетелем. В таких беседах, особенно с В. Ф. Раевским, Пушкин хладнокровно переносил иногда довольно резкие выходы со стороны противника и, занятый только мыслью обогатить себя сведениями, продолжал обсуждение предмета. Очень правильно замечено в статье, что «беседы у Орлова и пр. заставили Пушкина пристальней глядеть на самого себя и в то же время вообще направляли его мысли к занятиям умственным». По моему мнению, беседы его, независимо от Орлова, но с Вельтманом, Раевским, Охотниковым и некоторыми другими, много тому содействовали; они, так сказать, дали толчок к дальнейшему развитию научно-умственных способностей Пушкина по предметам серьезных наук“.²

В. Ф. Раевский представлял собой тип сурового республиканца, верившего в неизбежность революции и в ее победу. Его показания во время следствия по его делу — образец искусной диалектики: после ареста он никого не выдал, никого не запутал в дело, ни в чем не признался.

Уже из крепости он пересылал свои стихотворные послания друзьям в Кишинев. В них он обращался и к Пушкину:

Тебе сей лавр, певец Кавказа. . .

Воспой простые предков нравы,
Отчизны нашей век златой,
Природы дикой и святой
И прав естественных уставы.³

(„К друзьям в Кишинев“).

Восстание Вадима против самодержавия Рюрика, избранное темой поэмы, воспринималось Пушкиным в том характерном преломлении исторических сюжетов, какое господствовало в декабристской среде.

¹ „Литературное наследство“, кн. 16—18, 1934, стр. 660—662. Ср.: В. Раевский. Стихотворения, изд. 2-е, 1952, стр. 208—212.

² „Русский архив“, 1866, № 10, стб. 1446—1447.

³ Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, вып. 6, 1941, стр. 42, 43.

Прежде всего в событиях древности стремились найти созвучие настроениям современным. Историческое изображение заменялось публицистическими размышлениями по поводу событий минувшего для оценки современности. Деяния людей минувших веков представлялись в художественных образах, воплощавших чаяния нового времени. В прошлом искали оправдания своих вольнолюбивых устремлений. Обращение к славянской древности поддерживалось еще представлением о суровых и близких к природе нравах предков. Образ „славянина“ соответствовал идеалу революционного деятеля, не лишенному романтической окраски. Недаром в стихах В. Раевского, обращенных к Пушкину, упоминается имя Байрона:

Коснись струнам, и Аполлон,
Оставляя берег Альбиона,
Тебя, о юный Амфион,
Украсит лаврами Байрона.¹

(„К друзьям в Кяхте“).

Имя Амфиона, сдвигавшего камни звуками своей лиры, тоже не только ради рифмы попало в эти стихи: Раевский требовал поэзии, побуждающей к действию, к подвигу, поэзии деятельной.

Обработка сюжета о Вадиме дошла до нас в двух отрывках: один из них является первой песней поэмы, другой — небольшой фрагмент трагедии. Из поэмы Пушкин напечатал лишь небольшой кусок. Другой кусок был опубликован при жизни поэта Б. Федоровым, получившим его, вероятно, от А. И. Тургенева („Памятник отечественных муз“ на 1827 год). Полностью эта песня стала известна только в 1941 году.

Поэма описывает прибытие Вадима к русским берегам. Его привозит на ладье старик-рыбак (повидимому, финн). Суровый пейзаж морского берега выдержан в традиционных тонах „северной“ поэзии, но с некоторыми конкретными деталями, оживляющими описание и удаляющими его от шаблона, типичного в сентиментальной поэзии. Сохранив привычное настроение, Пушкин воссоздает реальный пейзаж:

Суровый край! Громады скал
На берегу стоят угрюмом;
Об них мятежный бьется вал
И пена плещет; сосны с шумом
Качают старые главы
Над зыбкой пеленой пучины;
Кругом ни цвета, ни травы,
Песок да мох; скалы, стремнины,
Везде хранят клеймо громов
И след потоков истощенных,
И тлеют кости — пир волков
В расселинах окровавленных.

¹ В. Раевский, Стихотворения, изд. 2-е, 1952, стр. 149.

Начальные эпитеты — суровый и мятежный — направляют мысль читателя и готовят характеристику героя.

Но кто же тот? Блистает младость
В его лице; как вешний цвет
Прекрасен он; но, мнится, радость
Его не знала с детских лет;
В глазах потупленных кручина;
На нем одежда славянина
И на бедре славянский меч.

Вадим садится у костра и принимает романтическую позу:

Но юноша, на перси руки
Задумчиво сложив крестом,
Сидит с нахмуренным челом...
Уста невнятные шепчут звуки. —
Предмет великий, роковой
Немые чувства в нем объемлет,
Он в мыслях видит край иной,
Он тайному призыву внемлет...¹

Далее следуют воспоминания о его боевой юности, напоминающие соответственные места из рассказа Финна в „Руслане и Людмиле“. Но затем во сне возникают перед Вадимом картины разоренного Новгорода:

Он видит Новгород великий,
Знакомый терем с давних пор;
Но тын оброс крапивой дикой,
Обвиты окна повидликой, —
В траве заглох широкий двор.

Описание это еще точнее, чем пейзаж морского берега. Пушкин уже достигает большой простоты в выборе изобразительных средств и слов. Это постоянное смещение простоты и точности с романтической условностью характерно для произведений этого периода.

Во сне Вадима мы уже находим и признаки ожидающего его подвига и намеки на обязательный в подобных поэмах романтический узел.

Первая песня кончается прощанием с рыбаком. Сохранившиеся планы немногим дополняют текст поэмы. В планах отведено больше места „эпизодам“, чем мыслям и намерениям героя.

В ином плане написан отрывок из одноименной трагедии. Он написан в чисто классических формах. Александровский стих только свежестью языка отличается от стиха Княжнина и Озерова. Такие же „применения“, какие мы встречаем в трагедиях позднего классицизма и от которых Пушкин решительно отказался в позднейших драматических

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах, т. IV, Изд. Академии Наук СССР, 1950, стр. 159, 533.

опытах, здесь в „Вадиме“ господствуют. Об исторической правде Пушкин мало заботится.

Первые же слова отрывка говорят о „славянской свободе“ и „иноплеменном“ тиранстве. Наперсник Вадима Рогдай выражается совершенно современным Пушкину политическим языком:

Вражду к правительству я зрел на каждой встрече...
Уныние везде, торговли глас утих,
Встревожены умы, таится пламя в них.
Младые граждане кипят и негодуют...

Всё это применимо в гораздо большей степени к 1821 году, чем ко времени Рюрика и Вадима. Модернизация исторических фактов здесь присутствует больше, чем в рассуждениях Карамзина о самодержавии Рюрика.

В ответной реплике Вадима намечается тема о непостоянстве граждан:

Неверна их вражда, неверна их любовь.

Видимо, это непостоянство должно было явиться источником драматического конфликта.

Вот всё, что осталось от трагедии, не считая плана, недостаточно разработанного. К истории этого замысла можно присоединить только еще один любопытный факт: обработку этого сюжета стихом народной песни „Уж как пал туман седой на синее море“:

Гостомыслову могилу грозную вижу...
Есть надежда! верь, Вадим, народ натерпелся.

Этим опытам предшествует строка народной песни с разметкой ударных и неударных слогов в форме метрической схемы. Запись эта свидетельствует об интересе Пушкина к русской песне, а в частности к стихотворным размерам в народной поэзии. В эти годы вопрос о народном стихосложении подымался в печати. В 1817 году вышла в свет книжка А. Востокова „Опыт о русском стихосложении“. Позднее об этом труде Востокова Пушкин писал: „Много говорили о настоящем русском стихе. А. Х. Востоков определил его с большою ученостию и сметливостию“ (XI, 263). Говоря о мере русских стихов, Востоков определял ее так: „В них считаются не стопы, не слоги, а *прозодические периоды*, т. е. ударения, по коим и должно измерять стихи старинных русских песен“ (стр. 105—106). С возражениями Востокову выступил Н. А. Цертелев, поместивший по данному поводу две статьи в „Сыне отечества“ (1818, ч. 49; 1820, ч. 62). Цертелев доказывал, что „старинные русские песни имеют стихосложение, основанное на числе стоп, а не на числе ударений“. Нарушения литературной правильности в чередовании ударных и неударных слогов Цертелев объяснял порчей известных нам текстов в устной передаче. Он ставил себе задачей выправлять тексты народных песен, выравни-

вая расположение ударений. Стих, записанный Пушкиным, он приво-
дил в такой „правильной“ форме:

Уж как пал туман на синё море.

Из своего рассуждения Цертелев делал вывод: „...в русских пес-
нях находим мы совершенно правильные разного рода метрические
стихи, которых гармония весьма непротивна слуху и может быть упо-
треблена поэтами нашими с успехом“.¹ Из записи Пушкина можно
заключить, что он приближался к тому пониманию стиха, какое дал
Востоков, и не разделял мнения Цертелева. Вообще к деятельности
этого критика, яркого противника нового направления в поэзии, посвя-
щавшего свои труды А. С. Шишкову и печатавшего злобные статьи
против романтиков, Пушкин относился отрицательно.

2

К июню 1821 года относится и другой драматический замысел
Пушкина — комедия об игроке.

До нас дошел краткий план всей пьесы, наброски отдельных сцен
и черновой текст первого явления. К сожалению, рабочие планы
настолько кратки, что точной расшифровке не поддаются. Из этих
планов можно лишь определить расстановку действующих лиц и цен-
тральное положение, определяющее развязку. Главный персонаж —
игрок (он обозначен именем актера Сосницкого). У него — старый
крепостной слуга (Величкин). Затем группа игроков, из которых наи-
большее участие в действии должен принимать означенный именем
Брянского. Этот игрок влюблен в сестру Сосницкого, вдову (Валь-
берхова). Короткий план этого произведения имеет одну особенность:
действующие лица обозначены именами актеров петербургской дра-
матической труппы. По характеру ролей, исполнявшихся этими акте-
рами, можно представить, какого типа и жанра произведение задумал
Пушкин. При этом в первую очередь следует иметь в виду трех
актеров, именами которых означены главные роли и которые исполняли
основные роли драматического репертуара.

Главную роль игрока Пушкин отводил Сосницкому. Этот актер,
по отзывам критики, был „превосходен в ролях жеманных волокит“.
Пушкин был знаком с Сосницким и ценил его игру. О Брянском,
именем которого назван один из важнейших персонажей пьесы, Пуш-
кин сам писал: „Брянской в трагедии никогда никого не тронул,
а в комедии не рассмешил. Несмотря на это, как комический актер,
он имеет преимущество и даже истинное достоинство“ (XI, 12—13).
Пушкин отмечал сдержанный, холодный характер игры Брянского.

Роль молодой вдовы обозначена именем Вальберховой. М. И. Валь-
берхова считалась первой комической актрисой на роли героинь в „вы-

¹ „Сын отечества“, 1820, ч. 63, № XXVII, июль, стр. 3, 13.

соких“ и „благородных“ комедиях. Рецензенты отмечали в ее игре „какую-то томность“, которая мешала ей передавать „живые и резвые характеры“, но уместна была в более „меланхолических“ ролях.

И Вальберхова, и Сосницкий, и Брянский выступали и в трагедии и в комедии, но чаще в комедии. При этом для их репертуара характерна комедия „высокая“, приближающаяся к драме. К этому же жанру, повидимому, должна была принадлежать и пьеса Пушкина.

Центральная сцена — игра. Об обстоятельствах этой игры говорит краткая запись: „Рамазанов узнает Брянского. Изъяснения. Пополам. Начинается игра“. В одном из дополнительных планов к этому же месту относится запись: „*Вальберхова*. Что за шум? *Величкин*. Играют. *Вальберхова*. А Брянский? *Величкин*. Там же. *Вальберхова*. Поди за Брянским. *Брянский* и *Вальберхова*. Я пополам — ему урок — он проигрывает“ (VII, 366). Из этого диалога можно заключить, что проигрыш Сосницкого должен послужить ему уроком и выигрывающий у него игрок Брянский действует с ведома сестры Сосницкого, участливо относящейся к брату и думающей о его исправлении. Поэтому можно предвидеть счастливую развязку, впрочем, не меняющую трагической ситуации перед самым концом. Эта ситуация явствует из слов основного плана: „Начинается игра. Сосницкий всё проигрывает, гнет Величкина на карту. Отчаянье его“. К этому месту несколько подробнее во вспомогательном плане: „*Величкин* уговаривает — тот его ставит на карту — проигрывает. *Величкин* плачет. *Сосницкий* также“ (VII, 366).

Следует обратить внимание на один рабочий план, вносящий зловещую ноту в комедию, хотя это место и не поддается толкованию в общем ходе действия: „Пора в театр: наш друг дает последний завтрак, он застрелится“ (VII, 367).

Содержание комедии, как оно явствует из планов, было изложено Анненковым, впервые опубликовавшим планы этой пьесы: „По нашему мнению, дело должно было заключаться в том, что аристократическая вдова (Вальберхова), имеющая любимого ею брата, желает спасти его от несчастной страсти к игре. Она советуется с своим любовником, тоже из высшего света и тоже игроком, но уже опытным и знакомым с проделками шулеров. Любовник обещает ей содействие, и на первом же игорном вечере у Сосницкого встречает полного шулера, Рамазанова, узнает его и принуждает обыграть хозяина пополам с собою, но в шутку. Так и делается. Под конец сеанса они заставляют Сосницкого поставить на карту старого дядьку Величкина. Происходит раздирающая сцена, кончающаяся наставлениями и поучениями и проч.“¹

Изложение Анненкова достаточно объективно вскрывает смысл плана и не нуждается в дополнениях и поправках. Однако в интер-

¹ П. В. Анненков. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874, стр. 162—163.

претации пьесы мнения разошлись. Установилось два противоположных истолкования замысла Пушкина, и это разногласие существует вплоть до наших дней.

П. В. Анненков не только пересказал сюжет пьесы, но дал и свое истолкование ее: „...Пушкин хотел написать еще комедию или драму потрясающего содержания, которые могли бы выставить в позорном свете безобразия крепостничества, а вместе с тем показать и темные стороны самого образованного общества нашего“.¹ Это истолкование встретило возражения со стороны Н. О. Лернера: „...Анненков, довольно правдоподобно истолковав предполагаемое содержание пьесы, без достаточных оснований придал ей своеобразное политическое истолкование, решив, что Пушкин имел в виду обличение. Между тем мы имеем дело, повидимому, с комедией нравов“. Н. О. Лернер дал и то истолкование характера главного героя, которое безоговорочно было принято всеми позднейшими исследователями:

„В комедии есть бытовые и политические черты. Главный герой пьесы Сосницкий, типичный представитель тогдашней передовой молодежи, о которой Пушкин писал впоследствии («Отрывки из романа в письмах»): «В то время строгость правил и политическая экономия были в моде. Мы являлись на балы, не снимая шпаг: нам неприлично было танцовать и некогда заниматься дамами». Евгений Онегин отдал дань этому духу времени“ и т. д.²

Между тем это истолкование прямо противоречит тексту плана и самой пьесы. В плане мы читаем краткую формулировку упреков сестры, обращенных к брату: „Добро либералы — да ты-то что?“. Ясно, что либералы и Сосницкий не одно и то же. Ясно, что и слово „либерал“ употреблено здесь в значении, свойственном этому слову в 20-х годах XIX века, т. е. деятеля свободы, участника революционного движения.³ В дошедшем до нас начальном диалоге Вальберховой и Сосницкого мотивы, по которым Сосницкий избегает общества, совсем не те, что в „Романе в письмах“.

Вальберхова.

Ну, я прощаю тем,
Которые, пусться в пятнадцать лет на волю,
Привыкли нехотя лишь к пороку да к полю.
Казармы нравятся им больше наших зал.
Но ты, который в век в биваках не жывал,
Который не видал походной пыли сроду —
Зачем перенимать у них пустую моду?
Какая нужда в том?

¹ П. В. Анненков. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. 1874, стр. 160.

² Пушкин, Сочинения. Под редакцией С. А. Венгерова, т. II, СПб., 1908, стр. 587.

³ О значении слова „либеральный“ в языке русского общества начала XIX века см.: В. В. Виноградов. Из истории русской литературной лексики. „Ученые записки Московского Государственного педагогического института им. В. И. Ленина“, т. XLII, 1947, стр. 6—7.

Сосницкий.

В кругу своем они
О дельном говорят, читают Жомини.

Вальберхова. Да ты не читывал с тех пор, как ты родился.
Ты шафвроком одним да трубкою пленился.
Ты жить не можешь там, где должен быть одет,
Где вечно не курят, где только банка нет.

Вряд ли этот диалог рисует Сосницкого товарищем тех, о ком говорится в „Романе в письмах“. Еще меньше сходства у него с Евгением Онегиным или с тем обликом самого Пушкина, какой рисуется в послании к А. М. Горчакову, также цитируемом Н. О. Лернером как параллель к комедии.

Между тем с легкой руки Н. О. Лернера Сосницкий данной комедии у всех одинаково именуется „либералистом“ (термин из письма Карамзина И. И. Дмитриеву о высылке Пушкина из Петербурга). И среда военной молодежи, где проводит время герой, еще не свидетельствует о вольнолюбии, так как чтение Жомини, кроме интереса к вопросам истории войн, ничего не доказывает. А Сосницкий, который и этого не читал и говорит: „скучно, то ли дело ночь играть“, страдает не тем видом „сплина“, который свойствен был молодежи, разочарованной в обществе. Равно не составляют сущности „либералистов“ „трубки и халаты“. Между тем такое истолкование образа мысли главного героя и мешало согласиться с интерпретацией Анненкова.¹ Однако этот аргумент явно не состоятелен. П. Анненков правильно связывал замысел комедии с историческими и публицистическими заметками Пушкина тех же лет, рисующими его как решительного противника крепостного права. Мы теперь располагаем таким документом, как дневник П. И. Долгорукова, где записаны разговоры Пушкина. Так, под датой 30 апреля 1822 года П. И. Долгоруков записал: „Пушкин и он <Эйсмонт> спорили за столом на счет рабства наших крестьян. Первый утверждал с горячностью, что он никогда крепостных за собою людей иметь не будет, потому что не ручается составить их благополучие, и всякого, владеющего крестьянами почитает бесчестным...“. Под 20 июля приводятся еще более резкие слова Пушкина: „Штатские чиновники подлецы и воры, генералы скоты большею частию, один класс земледельцев почтенный. На дворян русских особенно нападал Пушкин. Их надобно всех повесить, а если б это было, то он с удовольствием затягивал бы петли“.²

¹ А. Л. Слонимский в комментариях к комедии (Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VII, Изд. Академии Наук СССР, 1935, стр. 667 — первый вариант издания) называет Сосницкого „светским либералом“ и примыкает к мнению Н. О. Лернера. В. Закруткин, хотя и стоит на противоположной точке зрения, однако пишет: „А. Л. Слонимский правильно характеризует образ Сосницкого в пушкинском наброске“ (В. Закруткин. Пушкин и Лермонтов. Ростов н/Д, 1941, стр. 116).

² „Звенья“, т. IX, 1951, стр. 78, 99—100.

Надо думать, что при такой горячности в вопросе о рабстве крестьян Пушкин не сделал бы веселым в веселой комедии эпизод проигрыша крепостного человека.

3

К числу не дошедших до нас замыслов Пушкина относится и поэма о разбойниках, из которой автор выделил и напечатал отрывок под названием „Братья разбойники“.

Черновые тетради Пушкина сохранили план поэмы. Этот план (в двух вариантах) содержит историю двух любовниц разбойничьего атамана. Первая его наложница означена в плане как „дева“ (в другом — „девица“). Разбойники разбивают купеческий корабль, и атаману в добычу достается дочь купца. Первая его наложница ревнует, сходит с ума. Вторая не любит его и умирает. Атаман пускается во все злодеяния. Есаул (который играет и в предыдущих событиях какую-то неясную роль) предает атамана. Всему предшествует история двух разбойников. От той части поэмы, которая не вошла в состав „Братьев разбойников“, сохранился лишь небольшой стихотворный отрывок:

На Волге, в темноте ночной,
Ветрило бледное белеет,
Бразда сверкает за кормой,
Попутный ветер тихо веет.
Недвижны веслы, руль заснул,
Плывут ребята удалые...

Дальше черновик обрывается, но по отдельным словам его можно сопоставить с началом одного из двух планов: „есаул — где-то наш атаман — Они плывут и поют...“ (IV, 372). Повидимому, это начало первого варианта поэмы. По другому варианту на первом месте история двух братьев, т. е. часть, соответствующая „Братьям разбойникам“. В этом варианте начало имеется в черновой редакции, не похожей на форму поэмы:

Молдавская песня

Нас было два брата — мы вместе росли —
И жалкую младость в нужде провели...
Но алчная страсть овладела душой,
И вместе мы вышли на первый разбой...

Размер стиха и название сближают данный отрывок с „Черной шалью“. Повидимому, история двух братьев была задумана как баллада. Подобным размером, кроме указанных стихов, Пушкин написал еще „Узника“. Все эти произведения относятся к промежутку времени от конца 1820 по 1821 год. Их балладный размер уже применялся в русской поэзии Жуковским. Таким размером и с подобными рифмами написаны баллады „Лесной царь“ (1818), „Мечта“ (1818) и „Мше-

ние“ (1820). Повидимому, Пушкин хорошо помнил эти баллады. Один стих из дальнейшего текста песни читается:

Купец обробелый скакал на коне.

Первоначально стих этот читался:

Ездок одинокий скакал на коне.

Повидимому, исправление понадобилось для того, чтобы не вызывать в памяти у читателя первые стихи „Лесного царя“.

Кто скачет, кто мчится под хладною мглой?
Ездок запоздалый, с ним сын молодой.¹

Подобно „Мщению“ Жуковского все названные здесь произведения Пушкина так или иначе связаны с темой преступления. „Узник“, рисующий заключенного в темницу, относится к тому же ряду тем.

Точно установить последовательность всех этих планов и замыслов вряд ли возможно. По положению в тетрадах их датируют концом июня—июлем 1821 года. Можно предполагать, что первоначально было два замысла: поэма о разбойниках и баллада о двух братьях, затем Пушкин включил рассказ о братьях в состав поэмы, поставив этот рассказ на первое место. Написана ли была поэма далее этой части, на основании черновиков решить нельзя, так как все сохранившиеся черновые наброски, кроме приведенного, относятся к той части, которая составила известный нам текст „Братьев разбойников“. Но, с другой стороны, до нас не дошли черновики „Вадима“, хотя известен окончательный текст первой песни. Отсутствие черновиков не дает достаточного основания для решительного отрицания того факта, что поэма могла быть написана, но до известной степени это отсутствие внушает некоторые сомнения в полном завершении замысла. Конец работы над „Братьями разбойниками“ относят по положению черновиков в тетради к апрелю 1822 года. В списке стихотворений, написанных в 1822 году, Пушкин поместил на первом месте „Братья разбойники“ (список составлен в 1822 году).

О дальнейшей судьбе поэмы мы узнаем из писем Пушкина. В черновике письма Н. И. Гнедичу 29 апреля 1822 года есть фраза: „Есть у меня еще отрывок стихов 200“. В беловой текст письма эта фраза не вошла, и только через год в письме ему же 13 мая 1823 года мы читаем: „есть у меня готовая поэмка, да NB цензура“ (XIII, 373, 62).² Между тем к этому времени „Братья разбойники“ уже были

¹ Ср.: „Ездок обробелый не скачет, летит“.

² Вряд ли можно согласиться с мнением В. Закруткина, что речь шла в черновом письме о „Гавриилиаде“ (Пушкин и Лермонтов, стр. 70, сноска 69). В черновике говорится о присылке этого отрывка для заполнения книги, чего не мог писать Пушкин о „Гавриилиаде“. Но возможно, что Пушкин думал о „Вадиме“ (в первой песне „Вадима“ 197 стихов; в „Братьях разбойниках“ 235 стихов).

известны друзьям Пушкина. Думают, что о „Братьях разбойниках“ говорится в письме Ек. Ник. Орловой брату Александру Раевскому 8 декабря 1822 года: „Пушкин послал Николаю отрывок поэмы, которую не думает ни печатать, ни кончать. Это странный замысел, отрывающийся, как мне кажется, чтением Байрона. — Его дали Муравьевым, которые привезут его тебе“.¹ Однако в равной мере это могло относиться и к „Вадиму“. Когда в 1827 году отрывок из „Вадима“ появился в печати, А. Н. Муравьев писал М. Погодину: „В предпоследнем номере Вестника я читал прекраснейший отрывок Пушкина из *Вадима*; хотя я его и прежде знал, но здесь прочел снова с большим удовольствием...“.² Но уже в мае 1823 года поэма упоминается в переписке А. И. Тургенева с П. А. Вяземским. 9 мая Тургенев писал: „Есть ли у тебя отрывок Пушкина «Братья-разбойники»? Я вчера только достал его“. Затем 22 мая он же прибавлял: „Пошлю отрывок Пушкина сегодня, если возвратит Греч, коему отдал для прочтения сегодня в собрании“.³ Вяземский по получении поэмы написал свои впечатления Пушкину (письмо нам не известно), на что Пушкин отвечал 14 октября 1823 года:

„Замечания твои на счет моих разбойников несправедливы; как сюжет: *c'est un tour de force*,⁴ это не похвала, напротив; но, как слог, я ничего лучшего не написал“ (XIII, 70).

Беловой текст поэмы уже для печати Пушкин послал Вяземскому 11 ноября 1823 года. Вскоре А. Бестужев обратился к Пушкину с просьбой дать поэму для „Полярной звезды“. На это Пушкин отвечал (29 июня 1824 года): „Если согласие мое, не шутя, тебе нужно для напечатания Разбойников, то я никак его не дам, если не пропустят *жид* и *харчевни* (скоты! скоты! скоты!), а *попа* — к чорту его“ (XIII, 101).

Переговоры с Бестужевым велись уже год. Так, в письме 13 июня 1823 года Пушкин ему писал: „Разбойников я сжег — и поделом. Один отрывок уцелел в руках Николая Раевского, если отечественные звуки: харчевня, кнут, острог — не испугают нежных ушей читателей Полярной Звезды, то напечатай его“ (XIII, 64). Это письмо является свидетельством того, что Пушкин как будто написал больше, чем известный нам отрывок.

Прежде чем поэма появилась в „Полярной звезде“, первые 35 стихов поэмы А. Воейков напечатал в „Новостях литературы“ (июль 1824 года, номер вышел в свет в конце августа) в качестве цитаты

¹ М. О. Гершензон. История молодой России. М., 1908, стр. 28.

² „Литературное наследство“, кн. 16—18, 1934, стр. 696.

³ Остафьевский архив князей Вяземских, т. II, СПб., 1899, стр. 322, 324, 325, 327. В бумагах Вольного общества любителей российской словесности об этом чтении нет никаких данных. На заседании 22 мая читалось А. Бестужевым стихотворение Пушкина „Прощание“. Что это за стихотворение, мы не знаем.

⁴ Это подвиг, фокус (франц.).

в своем очерке „Путешествие из Сарепты на развалины Шери-Сарая, бывшей столицы ханов Золотой орды“. А. Бестужева возмутил поступок Воейкова. В письме сестрам 8 сентября он писал: „Вы спрашиваете о Полярной? — она весьма в худом положении до сих пор, Пушкин в ссылке — Воейков подлец (что мы ему и написали) перепечатал начало Разбойников, другие заняты своим интересом“.¹ Очень резкий протест был послан Воейкову за подписью А. Бестужева и К. Рылева.²

„Братья разбойники“ с подзаголовком „Отрывок из поэмы“ появились на страницах „Полярной звезды“ на 1825 год в марте этого года.³

На рукописи „Братьев разбойников“, посланной П. А. Вяземскому 11 ноября 1823 года, имеется такая приписка Пушкина:

„Вот тебе и Разбойники. Истинное происшествие подало мне повод написать этот отрывок. В 820 году, в бытность мою в Екатеринославле, два разбойника, закованные вместе, переплыли через Днепр и спаслись. Их отдых на островке, потопление одного из стражей мною не выдуманы. Некоторые стихи напоминают *Шильонского Узника*. Это несчастье для меня. Я с Жуковским сошелся нечаянно, отрывок мой написан в конце 821 года“ (XIII, 74).

Приблизительно то же писал Пушкин осенью 1830 года в „Опровержении на критики“:

„Не помню кто заметил мне, что невероятно, чтоб скованные вместе разбойники могли переплыть реку. Всё это происшествие справедливо и случилось в 1820 году, в бытность мою в Екатеринославле“ (XI, 145).

Действительно, Пушкин был свидетелем бегства из тюрьмы разбойников, братьев Засориных.⁴

Что касается указанной в письме даты, то она не сходится с другой датой, поставленной Пушкиным в издании 1827 года: „Писано в 1822 году“. Впрочем, обе даты не противоречат той датировке, какая устанавливается на основании черновых тетрадей Пушкина. Поэма начата в июне—июле 1821 года и окончена в апреле 1822 года.

Не только бегство разбойников из Екатеринославской тюрьмы послужило материалом для поэмы Пушкина. Самая тема разбойников подсказана ему многочисленными фактами разбоев, происходивших в Бессарабии, Новороссии и на Дону. Описанный им разноплеменный состав разбойничьей шайки более всего соответствует бессарабским

¹ Памяти декабристов. Сборник материалов, I, Л., 1926, стр. 47.

² Литературный архив, т. I, Изд. Академии Наук СССР, 1938, стр. 422. Здесь текст протеста дан по копии с датой: 15 сентября 1824. Текст комментировал Н. И. Мордовченко.

³ Альманах вышел с запозданием, так как отпечатанные экземпляры погибли при наводнении в ноябре 1824 года.

⁴ См.: А. Линин. А. С. Пушкин на Дону. Ростов н/Д, 1941, стр. 58—60.

шайкам. В эти годы разбой усилился как результат крестьянского обнищания; те же причины вызывали крестьянские движения на юге России. Шайки пополнялись беглыми крестьянами. Эта связь между деревенским обнищанием и разбоями отмечена и в тексте поэмы:

Нам, детям, жизнь была не в радость;
Уже мы знали нужды глас...

.....
Наскучила нам эта доля,
И согласились меж собой
Мы жребий испытать иной:
В товарищи себе мы взяли
Булатный нож да темну ночь;
Забыли робость и печали,
А совесть отогнали прочь.

Это отражение в поэме реальных фактов разбоя придало особую красочность начальным стихам поэмы и некоторым эпизодам рассказа разбойника.¹ Выразительность этих мест усилена еще обращением Пушкина к народной поэзии. С первых строк поэмы в строе речи присутствуют явственные приметы песенного слога. Отрицательное сравнение, с которого начинается поэма, обилие народнопесенных эпитетов (булатный нож, темная ночь, красные девушки, чистое поле и др.) своеобразно окрашивают рассказ Пушкина. К этому присоединяется подбор слов, выходящих за пределы сентиментально-романтической литературы. Об этом писал Пушкин А. Бестужеву. Просторечие, проникшее в стихи Пушкина, именно начиная с „Братьев разбойников“ становится органической особенностью его поэтического стиля. Н. Н. Раевский писал Пушкину в 1825 году: „Ты доверишь у нас водворение простой и естественной речи, к пониманию которой наши читатели еще не готовы, несмотря на прекрасные образцы «Цыган» и «Разбойников». Ты окончательно сведешь поэзию с ее ходуль“ (XIII, 172; оригинал на французском языке). Простоте словарного состава соответствует и простота в построении предложений. Вся поэма написана короткими фразами, непрерывно двигающимися действие. Очень редко подчиненное сочетание предложений, равно избегает Пушкин деепричастных и причастных оборотов. Каждое предложение самостоятельно, связь между предложениями более определяется смыслом, чем союзами или подчинением:

¹ Большой материал по крестьянским волнениям и по деятельности разбойничьих шайк собран в работе В. А. Закруткина „Братья-разбойники“ Пушкина“ (в его книге „Пушкин и Лермонтов“, 1941) и в книге А. Линина „Пушкин на Дону“ (1941, стр. 26—37 и 58—60). Еще А. Ф. Вельтман, живший в Кишиневе одновременно с Пушкиным, высказал мнение, что „поэма «Разбойники» внушена Пушкину взглядом на талгаря Урсула“ (см.: Л. Н. Майков. Пушкин. СПб., 1899, стр. 127). Об этом разбойнике Урсуле рассказывают в своих воспоминаниях Ф. Ф. Вигель и И. П. Липранди. Еще в Кишиневе внимание Пушкина привлек разбойник Кирдажи.

Но молодость свое взяла:
 Вновь силы брата возвратились,
 Болезнь ужасная прошла,
 И с нею грезы удалились.
 Воскресли мы. Тогда сильней
 Взяла тоска по прежней доле;
 Душа рвалась к лесам и к воле,
 Алкала воздуха полей.

Однако речь в поэме не выдержана единообразно, и еще сильно представлена „возвышенная“ речь со всеми ее книжными оборотами. На это обратили внимание первые критики поэмы. Критик „Сына отечества“ в своих „Письмах на Кавказ“ писал вскоре после выхода в свет поэмы: „Прислушиваясь к различным толкам о нашей поэзии, я слышал довольно резкие приговоры отрывку из поэмы *Братья разбойники*. Главнейшее из обвинений есть то, что рассказывающий разбойник не везде говорит свойственным ему языком, часто сбивается на возвышенную поэзию, употребляет слова, разрушающие очарование правдоподобия и, так сказать, показывающие своего суфлера“. С своей стороны критик к этому прибавлял: „Отчасти замечание это справедливо, но несколько несвойственных простоте рассказа выражений нисколько не ослабляют достоинства пьесы. Чувствования, положения, зверские забавы и ужасы списаны с природы. Какая быстрота действия и рассказа, какое картинное описание разбойничьего притона, какие ужасные местности!“¹

В самом деле, не трудно обнаружить книжные элементы в языке „Братьев разбойников“:

Прошел все степени злодейства...
 Жар ядовитого недуга...
 Влачусь угрюмый, одинокий,
 Окаменел мой дух жестокий,
 И в сердце жалость умерла.

Таких примеров в словаре и фразеологии достаточно. За речью разбойника действительно чувствуется романтический „суфлер“ — собственный голос поэта. Впрочем, Пушкин чуждался стилизации в прямой речи героев не только в 20-е годы, но и позднее. Он ограничивался тем, что вводил в речь определенные приметы, свойственные языку изображаемого лица, а в остальном сохранял свой собственный язык. Его больше заботило сохранение в речи выведенного лица свойственного ему строя мысли, чем словаря, фразеологии, синтаксиса и пр. Здесь он ограничивался отдельными характерными фразами на фоне собственного своего языка. Но, конечно, в позднейших произведениях чувствуется более строгий *отрицательный* отбор: устра-

¹ „Сын отечества“, 1825, ч. 101, № X, стр. 196—197.

нение противоречащей персонажу фразеологии. В романтический период это соблюдалось в меньшей степени.¹

Характерно всё построение поэмы. Уже в „Кавказском пленнике“ определилась подобная манера построения: центральная часть принадлежала там диалогу героев. Здесь основная часть является монологом разбойника. Если бы „Братья разбойники“ являлись не отрывком, а более развитой поэмой, такой монолог был бы существенным эпизодом всего построения. Но так как Пушкин выделил именно эту часть, то монолог собственно и является самой поэмой. К рассказу разбойника присоединено только относительно короткое — в сорок стихов — введение. Рассказ уже перерастает размеры отдельного эпизода. Во всяком случае прямая речь является способом драматизации рассказа. Эта драматизация проходит через все южные поэмы, всё возрастающая. Встречается она и в небольших стихотворных произведениях Пушкина с эпической основой, при этом как до романтического периода, так и в романтические годы (ср. монологи в „Наполеоне на Эльбе“, 1815, и в „Клеопатре“, 1824).

В посмертном издании рассказ Разбойника замкнут заключением от автора в шестнадцать стихов, перекликающимся с введением. Рукопись Пушкина, с которой, по свидетельству Плетнева, печаталось это окончание, до нас не дошла, а потому эти заключительные стихи вызвали всяческие сомнения, вплоть до того, что подозревали Жуковского в их сочинении. Однако следует признать стихи эти, несмотря на некоторые противоречия в свидетельстве Плетнева, принадлежащими Пушкину. Всё же вводить их в основной текст не следует, как их не вводил и Пушкин при переизданиях поэмы.²

Рассказ Разбойника, составляющий ядро поэмы, построен по эпическому принципу: это последовательное изложение событий прошлого. Этим данная поэма отличается от всех южных поэм, где господствует лирический элемент и действие дается отрывочными эпизодами-картинками на фоне преимущественно лирических тирад. Весь рассказ делится на четыре части: описание разбойничьей жизни, тюремное заключение и болезнь брата, бегство из тюрьмы, смерть брата. Эти четыре части построены различно: иногда преобладает то, что можно назвать „картинностью“, где большое место отводится общему описанию прошлого, в других частях преобладает действие, когда события последовательно и непрерывно сменяют одно другое. Самое изображение действия дается или в формах строгого изложения минувших

¹ Сопоставление поэмы с народными песнями (особенно по отношению к плану всей поэмы) сделано в работе В. А. Закруткина „Пушкин и Лермонтов“ (стр. 62—68) и в статье Н. К. Гудзия „«Братья-разбойники» Пушкина“ („Известия Академии Наук СССР. Отделение общественных наук“, 1937, № 2—3, стр. 654—657). О языке поэмы см.: В. В. Виноградов. Язык Пушкина. 1935, стр. 417—419; его же. Стиль Пушкина. 1941, стр. 227, 364 и 368.

² См.: Н. О. Лернер. Рассказы о Пушкине. 1929, стр. 204—205.

событий, или приобретает характер как бы развертывающегося непосредственно перед нашими глазами. Эти различные формы рассказа отличаются употреблением разных грамматических времен. В первой части доминируют формы прошедшего несовершенного:

Нам, детям, жизнь была не в радость;
Уже мы знали нужды глас,
Сносили горькое презренье,
И рано волновало нас
Жестокой зависти мученье.

Только рассказ о решении пойти на разбой изложен в форме прошедшего совершенного. Эта форма глагола драматизирует действие: она выражает отдельные события, как бы цепляющиеся одно за другое. Вместо суммарного рассказа мы чувствуем движение:

Наскучила нам эта доля,
И согласились меж собой
Мы жребий испытать иной...

Далее, через переход к прошедшему несовершенному, Пушкин приступает к картине былой разбойничьей жизни, которая дается в форме настоящего времени. Это настоящее время (настоящее историческое) оживляет рассказ, придавая ему картинность:

Поем и свищем, и стрелой
Летим над снежной глубиной.

Если перевести эти глаголы настоящего времени в прошедшее, то пришлось бы обратиться к прошедшему несовершенному. Данная часть рассказа не является „сценой“ непрерывного действия, а сообщает то, что бывало не раз в ту пору жизни разбойников.

Эпизод болезни и бреда выдержан в глагольной форме прошедшего несовершенного. Это рассказ о длительном страдании, а не один какой-нибудь случай из времени болезни брата. И поэтому речи брата являются передачей постоянного, повторявшегося бреда. Слова: „Мне душно здесь... я в лес хочу...“ — это выражение его постоянной тоски о свободе.

Через прошедшее совершенное приходит рассказ к эпизоду бегства. Это уже определенная сцена действия. В кульминации рассказа прошедшее совершенное переходит в настоящее, и тем самым действие соединяется с картинностью. Мы как бы присутствуем при сцене бегства. Это настоящее время соответствует (при перенесении действия в прошлое) совершенному виду (в отличие от аналогичного времени в первой части). Затем напряженность действия ослабевает, и рассказчик снова возвращается к прошедшему совершенному. Рассказ со смертью брата окончен. Снова появляется настоящее время, но на этот раз в своем грамматическом значении. Заключительные стихи рисуют состояние рассказчика в минуту самого рассказа.

Такое четкое употребление различных грамматических времен в их выразительной и композиционной функции в поэмах Пушкина встречается впервые в „Братьях разбойниках“. В других поэмах мы видим преобладание настоящего времени, а иногда и неупорядоченное смешение времен. Только здесь степень напряженности действия получила полное выражение. Отсюда и впечатление подвижности рассказа, строгой гармонии между выразительными средствами и развитием действия. Из всех поэм южного периода эта поэма наиболее обладает эпическими качествами, несмотря на ее краткость. Эта стройность рассказа создает впечатление единства, скрадывающее некоторую пестроту словаря, еще не освободившегося от „высоких“ форм привычной поэтической речи.

Какова была судьба неосуществленной части замысла? Еще П. О. Морозов в комментарии к поэме в старом Академическом издании ставил в зависимость от планов поэмы сюжетную схему „Бахчисарайского фонтана“. Легко установить соответствие между действующими лицами: атаман — Гирей, первая любовница — Зарема, купеческая дочь — Мария. Поведение и судьба героев „Бахчисарайского фонтана“ соответствуют в общих чертах поведению, намеченному в плане поэмы о разбойничьем атамане. Правда, против мнения П. О. Морозова были возражения в том смысле, что нельзя отрывать схему взаимоотношения персонажей от заполняющего эту схему реального изображаемого материала, что трудно положить предел „чудесным превращениям“ персонажей и т. п. Однако не следует забывать, что замысел Пушкина включал в себя ситуацию, показывающую взаимоотношение характеров. А психологическая ситуация легко переносима из одной среды в другую. Страстность и кротость могли встречаться в любой обстановке. Замысел „Бахчисарайского фонтана“ хронологически близок к работе над поэмой о разбойниках. Если бы эта поэма была полностью написана и напечатана, вряд ли бы Пушкин написал „Бахчисарайский фонтан“, так как это было бы воспринято, как вариант уже сказанного.

Между „Братьями разбойниками“ и „Шильонским узником“ трудно найти точки соприкосновения. Но Пушкин их почувствовал и вовсе этому не радовался. В данном случае речь идет, конечно, не об абстрактной схеме, а о сочетании определенных характеров в определенной ситуации. Таким образом, легко допустить, что с уничтожением поэмы Пушкин стал искать новой обстановки для похожего конфликта. Эту обстановку он нашел в Крымской теме.

Выход в свет поэмы „Братья разбойники“ не вызвал сколько-нибудь существенных замечаний критиков. Статьи о поэме появляются только после того, как она была издана отдельной книжкой. Эти статьи, в общем хвалебные, не заключали в себе чего-нибудь значительного. До нас дошли некоторые отзывы друзей Пушкина. Отзыв Н. Н. Раевского мы уже знаем. П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу (31 мая

1823 года): „В его «Разбойниках» чего-то недостает; кажется, что недостает обычной очаровательности стихов его. Более всего понравилось мне: бред больного брата и сцепление увещаний в отношении старика с состраданием оставшегося брата к старикам. Я благодарил его и за то, что он не отнимет у нас, бедных заключенных, надежду плавать и с кандалами на ногах. Я пробую, сколько могу, но всё что-то ныряю ко дну. Дело в том, что их было двое, а мне достается одному уплывать на островок рассудка, вопреки погоне Красовских с товарищами“.¹ Повидимому, что-то подобное Вяземский написал и Пушкину. Ответ Пушкина мы знаем. А. И. Тургенев сообщает и о том, как отозвался об этой поэме К. Батюшков. Несмотря на вполне определившуюся свою болезнь, Батюшков, находившийся уже под врачебным присмотром, еще имел минуты просветления, дававшие надежду на выздоровление. В письме Вяземскому 11 мая 1823 года А. И. Тургенев сообщает о вечере, проведенном накануне с Батюшковым. Он пишет: „Батюшков вчера был очень хорош“. И далее (в оригинале по-французски): „Мы читали новые стихи Пушкина, и он их критиковал, касаясь *палача* и *кнута*, очень остро“.² Повидимому, такие правдивые карамзинисты, как Вяземский и Батюшков, не могли примириться с просторечным стилем поэмы.

Вяземский нашел в поэме материал для политических намеков. В письме Тургеневу это сделано в обычной манере привычных для Вяземского каламбуров. Однако в эти годы, когда внимание приковывалось к вопросам политическим, когда протест против произвола царизма объединял все передовые круги, политическое восприятие „Братьев разбойников“ было вовсе не редким, хотя Пушкин и не вложил в поэму политического содержания. Отнюдь не делает он из своего разбойника романтического героя, вроде разбойников Шиллера или Нодье. Пушкин не прикрывает и не оправдывает „злодейства“ разбойников. Этими злодействами он не склонен любоваться. Но тем не менее и критика тех лет признавала, что Пушкину удалось в какой-то степени привлечь сочувствие читателя к герою поэмы. Отсюда у читателей возникало противоречие в понимании поэмы. И одни осуждали ее как произведение безнравственное, другие пытались найти моральный смысл произведения. Так, в рецензии на поэму, помещенную в „Сыне отечества“, говорилось о поэзии, которая „возбуждает в нас иногда соучастие к лицам и предметам, кои, в обыкновенном о них понятии, более способны внушать нам негодование, даже отвращение, нежели какое-либо чувство доброжелательства...“, а сочувствие, вызываемое разбойником, приписывалось „любви братской“.³ Между тем сочувствие к разбойникам вызывалось в первую очередь их стремлением к свободе в самом общем смысле этого слова. Читатель

¹ Остафьевский архив, т. II, 1899, стр. 327.

² Там же, стр. 322.

³ „Сын отечества“, 1827, ч. 114, № 16, стр. 399, 401.

20-х годов не задумывался над причинами, погнавшими братьев на разбой, поэтому связь темы с крестьянскими движениями, охватившими несколько областей, оставалась вне поля зрения. Но чувство свободы, стремление убежать из гюрьмы вызывало совершенно определенные настроения политического порядка. Поэтому естественно заявление декабриста В. И. Штейнгеля, удивлявшегося близорукости придирчивой цензуры: „Непостижимо, каким образом в то самое время, как строжайшая цензура внимательно привязывалась к словам, ничего не значащим... пропускаясь статьи, подобные Вольтеру, Исповеди Наливайки, Разбойникам братьям“.¹

Переводчик Пушкина Ж.-М. Шопен поместил в парижском журнале „Revue Encyclopédique“ в 1830 году рецензию, в которой подчеркивал политический смысл поэмы. Он мог сказать то, о чем должны были молчать русские журналисты: „Где причина того, что автор вызывает участие к падшему существу? Неужели одна братская любовь может прикрыть такие чудовищные злодеяния?.. Не та ли живая любовь к независимости, которая наложила своеобразную печать на стихи Пушкина, привлекает сочувствие читателя? Пушкина любят всей любовью, питаемой к свободе; и в двух разбойниках это влияние, возможно, достаточно, чтобы скрыть безнравственность предмета. Несомненно глубокое политическое чувство вложено в стих: Мне душно здесь... я в лес хочу!“.²

Эти слова надо принимать не как отзыв критика, а как свидетельство современника. Шопен жил в России и знал, с каким чувством русские читатели относились к поэме Пушкина.

Поэма Пушкина, пронизанная народными мотивами, в свою очередь проникла в народное творчество. Отдельные эпизоды этой поэмы в переделанном виде вошли в состав народной драмы „Лодка“.³

4

К числу других замыслов, получивших еще меньшее завершение, следует отнести дошедшие до нас планы поэм о гетеристах, об Актеоне, о Бове, о Мстиславе.

Поэма о гетеристах связана с собственными наблюдениями и встречами Пушкина. В Кишиневе Пушкин знал братьев Ипсиланти и был свидетелем подготовки к греческому восстанию в дунайских княжествах. Александр Ипсиланти, являющийся одним из героев поэмы, перешел Прут с отрядами повстанцев 22 февраля (6 марта) 1821 года

¹ Из писем и показаний декабристов. Под редакцией А. К. Бороздина, СПб., 1906, стр. 67.

² Цитирую по книге: В. А. Закруткин. Пушкин и Лермонтов. 1941, стр. 93.

³ Н. П. Андреев. Пушкин и народное творчество. „Ученые записки Ленинградского Государственного педагогического института имени А. И. Герцена“, т. XIV, 1938, стр. 63—65.

и скоро добился значительных успехов. Однако он скоро оказался в затруднительном положении, так как национальные интересы местного населения не совпадали с целями греческих вожakov. В разношерстном войске Ипсиланти возникли разногласия. Сам Ипсиланти оказался не на высоте положения в таких трудных обстоятельствах. Турки начали наносить поражения. Он бежал в Австрию (27 июня н. с.), где был интернирован, а оставшиеся отряды под предводительством других вождей продолжали сопротивляться туркам. Часть заперлась в монастыре Секу, но турки взяли монастырь и истребили повстанцев; другая часть под огнем турок переправилась у Скулян на русский берег 29 июня 1821 года. Пушкин видел в Кишиневе участников Скулянского сражения. Он записал их рассказы в ряде заметок. Позднее в повести „Кирджали“ он воспользовался этими записями. Вообще события греческого восстания получили широкое отражение в письмах и заметках Пушкина.

Вот весь план поэмы:

„Два арнаута хотят убить Александра Ипсиланти. Иордаки убивает их. По утру Иордаки объявляет арнаутам его бегство. Он принимает начальство и идет в горы, преследуемый турками. Секу“.

От поэмы остались лишь мало разборчивые строки:

Поля и горы ночь объемлет.
В лесу, в толпе своих...
Под темной сению небес
... Ипсиланти дремлет.

Мы видим, что главным героем поэмы должен был явиться Иордаки. Чтобы раскрыть содержание этого плана, обратимся к позднейшей повести Пушкина „Кирджали“, где кратко излагаются события, положенные в основу данного плана:

„Александр Ипсиланти был лично храбр, но не имел свойств, нужных для роли, за которую взялся так горячо и так неосторожно. Он не умел сладить с людьми, которыми принужден был предводительствовать. Они не имели к нему ни уважения, ни доверенности. После несчастного сражения, где погиб цвет греческого юношества, Иордаки Олимбиоти присоветовал ему удалиться, и сам заступил его место. Ипсиланти ускакал к границам Австрии и оттуда послал свое проклятие людям, которых называл ослушниками, трусами и негодьями. Эти трусы и негодяи, большею частью, погибли в стенах монастыря Секу или на берегах Прута, отчаянно защищаясь противу неприятеля вдесятеро сильнеего“ (VIII, 255).

Приблизительно то же рассказывает Пушкин о восстании Ипсиланти в своих французских заметках, сделанных в Кишиневе в 1821 году: „Иордаки-Олимбиоти был в армии Ипсиланти. Они вместе отступили к вейгёрской границе. Александр Ипсиланти, угрожаемый убийством, бежал по его совету и издал свою грозную прокламацию. Иордаки

во главе 800 человек пять раз разбил турецкое войско; наконец заперся в монастыре (Секу). Преданный евреями, окруженный турками, он поджег свой пороховой склад и взорвался" (XII, 190, 481).

Решительное сражение, о котором пишет Пушкин, произошло 19 июня 1821 года при Драгошанах. После этого сражения Ипсиланти бежал, а Георгаки Олимпиот (Иордаки Олимбиоти) отступил со своим отрядом в город Пятры, а оттуда в расположенный в сорока километрах от города на реке Быстрице монастырь Секу. Именно здесь 24 сентября 1821 года и погиб Георгаки со всем своим отрядом. В заметках Пушкина упоминается и его товарищ Фармаки (Формаки), отступавший вместе с ним. Фармаки был отрезан от главного отряда, взят в плен и казнен в Константинополе.

Прокламация Ипсиланти, о которой пишет Пушкин, начиналась следующим образом: „Солдаты. . . , нет я не оскверню этого прекрасного и почетного имени, применяя его к вам. Подлое стадо рабов, измены и козани, вами подстроенные, принудили меня оставить вас. Отныне всякая связь между нами порвана. Я скрою в глубине души стыд при воспоминании, что был вашим предводителем. Вы изменили своим клятвам, вы предали бога и родину; вы предали меня тогда, когда я надеялся победить или умереть вместе с вами“.¹

Необходимо отметить и те стороны похода Ипсиланти, о которых умолчал Пушкин в своем плане. Как говорилось, главной причиной неудачи Ипсиланти было противоречие между целями его похода и интересами местного населения. Ипсиланти преследовал задачи освобождения Греции от турецкого владычества. Сам он, как и главные его сотрудники (князь Кантакузен и другие), принадлежал к греческой аристократии, ему были чужды широкие народные интересы. Между тем в Молдавии и Валахии местное население знало греков преимущественно в качестве помещиков или чиновников турецкой службы (фанариоты). В придунайских княжествах в это же время развивалось местное национальное крестьянское движение, цели которого были во многом противоположны целям Ипсиланти. Для молдавских и валашских крестьян победа Ипсиланти сводилась в лучшем случае к смене господ и к укреплению помещичьей власти фанариотов. Общий враг — турки — создавал иллюзию возможности объединить отряды восставших крестьян с отрядами Ипсиланти. Во главе местных отрядов находился Тудор Владимиреску. Вот как писал о нем Пушкин в письме из Кишинева, адресованном, вероятно, В. Давыдову (март 1821 года): „Теодор Владимиреско, служивший некогда в войске покойного князя Ипсиланти, в начале февраля нынешнего года вышел из Бухареста с малым числом вооруженных арнаутов и объявил, что греки не в силах более выносить притеснений и грабительств турецких начальников, что они решились

¹ Pouqueville. Histoire de la régénération de la Grèce. 2-me ed., т. II, 1825, стр. 474.

освободить родину от ига незаконного, что намерены платить только подати, наложенные правительством. Сия прокламация встревожила всю Молдавию. Князь Суццо и русский консул напрасно хотели удержать распространение бунта — пандуры и арнауты отовсюду бежали к смелому Владимиреску — и в несколько дней он уже начальствовал 7000 войска" (XIII, 22). Сведения Пушкина были не точны: Владимиреску предводительствовал не греками, а валахами (румынами), хотя в его отрядах находились и греки. Вообще в повстанческих отрядах национальный состав был весьма пестрым. В том же письме Пушкин пишет: „Ипсиланти идет на соединение с Владимиреску. Он называется Главнокомандующим северных греческих войск — и уполномоченным Тайного Правительства" (XIII, 23). Встреча Ипсиланти и Владимиреску состоялась в конце марта в Бухаресте. Сразу определилось различие делей обоих предводителей. Сначала дело не дошло до открытого разрыва, но и соединения не произошло. Пушкин получал сведения, шедшие с греческой стороны. В своем дневнике 2 апреля он записал:

„С крайним сожалением узнал я, что Владимиреску не имеет другого достоинства, кроме храбрости необыкновенной — храбрости достанет и у Ипсиланти" (XII, 303).

Запись эта свидетельствует, что о разногласиях знали уже в Кишиневе. В мае Ипсиланти велел арестовать Владимиреску по обвинению в сношении с турецкими властями. После двухдневного разбирательства Владимиреску был казнен в Терговиште. Войско его распалось; часть отрядов присоединилась к Ипсиланти.

Ипсиланти чувствовал, что в такой обстановке у него нет надежд на победу над турками, но весь его расчет строился на том предположении, что Россия выступит против Турции на стороне греков. Действительно, слухи о том, что Россия объявит войну Порте, усиленно поддерживались. Поездка Ермолова в Любляны рассматривалась как подготовка к этой войне. На самом деле Александр, испуганный волнениями Семеновского полка и революциями на юге Европы, вполне подпал под влияние Меттерниха. В любом революционном движении он видел „гений сатаны" и приписывал все восстания козням какого-то мифического парижского комитета. Меттерних цинически писал: „Не Россия нас ведет, а мы ведем императора Александра, и по очень простым причинам. Он нуждается в советах, а всех своих советников он растерял. Он рассматривает Каподистрию как карбонарского вожака. Он не доверяет ни своей армии, ни своим министрам, ни своим дворянам, ни своему народу. В таком положении вести невозможно".¹ Об отношении Александра к греческому восстанию лучше всего говорит его письмо А. Н. Голицыну из Лайбаха 10 марта 1821 года. Извещая его о полученных сведениях, касающихся похода Ипсиланти, он пускается

¹ Н. К. Шильдер. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование, т. IV. СПб., 1898, стр. 471, примечание 246.

в такие рассуждения: „Это безумец, который, вероятно, и сам погибнет и вовлечет в свою гибель много жертв: у них нет ни пушек, ни средств, и турки, вероятно, их раздавят. Нет сомнения, что толчок этому повстанческому движению был дан тем же центральным управляющим комитетом в Париже, с намерением сделать диверсию в пользу Неаполя и помешать нам в уничтожении одной из этих сатанинских синагог, созданных единственно для пропаганды и распространения антихристианских учений. Ипсиланти в письме ко мне открыто заявляет, что он принадлежит к *тайному обществу*, основанному с целью освобождения и возрождения Греции. Но все тайные общества в конечном счете приводят к парижскому центральному комитету. Такова же и единственная цель пьемонтской революции. Это создание еще одного очага для проповеди того же учения в надежде парализовать результаты христианских начал, исповедуемых Священным союзом“.¹ Александр в мистически-контрреволюционном азарте не только не помог Ипсиланти, но и заверил Порту в том, что он не окажет никакой поддержки повстанцам. Ипсиланти был исключен из списков русской армии, ему было объявлено, что никакой помощи от России он не получит, а Витгенштейн, командовавший второй армией, расположенной на южной границе Европейской России, получил приказ о строжайшем нейтралитете.

Пушкин с восторгом принял известие о греческом восстании. Ему казалось, что революционная волна подкатилась к границам России и что страна накануне великих событий. К этому времени относится его стихотворение „Война“:

Война! Подъяты наконец,
Шумят знамена бранной чести!
Увижу кровь, увижу праздник мести;
Засвищет вокруг меня губительный свинец.
И сколько сильных впечатлений
Для жаждущей души моей!

Стихи оканчивались:

Покой бежит меня, нет власти над собой,
И тягостная лень душою овладела...
Что ж медлит ужас боевой?
Что ж битва первая еще не закипела?

Распространился слух, что Пушкин бежал к грекам.

Более близкое соприкосновение с греческими коммерсантами в Одессе несколько охладило пыл Пушкина. В ряде писем (см., например, письмо Вяземскому 24—25 июня 1824 года) он дает нелестную характеристику „соотечественникам Мильтиада“. Это, впрочем, не отразилось на его отношении к греческой революции в целом, тем более, что главные события происходили в Море, на подлинной родине греков.

¹ Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I, т. I. СПб., 1912, стр. 558. (Оригинал по-французски).

О событиях, связанных с походом Ипсиланти, Пушкин знал от участников этого похода. „Не завернешь ли по дороге в Кишинев? я познакомлю тебя с героями Скулян и Секу, сподвижниками Иордаки“, — писал он П. Вяземскому 5 апреля 1823 года (XIII, 61).

Именно Иордаки и должен был стать героем задуманной поэмы. Об этом деятеле восстания до нас дошли противоречивые сведения. О нем говорили либо с восторгом, либо с явным недоброжелательством. То его изображали как античного героя, то как разбойника, известного своим вероломством.¹ Такое противоречие оценок можно уловить и в отзывах Пушкина о сподвижниках Иордаки. Но в плане поэмы, повидимому, преобладало восторженное отношение к герою. Участие в его отрядах разбойников не могло особенно смущать автора „Братьев разбойников“, тем более, что самое понятие „разбойник“, в применении к событиям того времени на Балканском полуострове, не совпадало с нашими представлениями о грабителях на большой дороге. Греческие клефты тоже рассматривались как разбойники; на самом деле это были партизанские повстанческие отряды. Гибель Иордаки в монастыре окружала жизнь его ореолом героизма. Так и хотел изобразить его Пушкин. Скептические ноты в характеристике участников восстания Ипсиланти появились у Пушкина позднее.

От поэмы остались только приведенные отрывки. Судя по первым стихам, поэма должна была строиться по романтическому образцу: об этом говорит начало, где прежде всего дается пейзажное описание, соответствующее настроению событий. Такое описание придавало изложению оттенок лиризма, характерный для романтической поэмы. О том, что мы имеем дело с замыслом относительно крупных размеров, свидетельствует наличие плана. Вместить такое количество событий в небольшое стихотворение было невозможно. Восстановить общий ход поэмы нельзя, так как для этого нет данных.

С замыслом поэмы о гетеристах связан и постоянный интерес Пушкина к освободительным движениям на Балканах. Не только греки, но и южные славяне вели борьбу с турецкой властью. В Кишиневе и на юге России Пушкин имел возможность неоднократно встречаться с представителями южного славянства, так или иначе связанными с национальным движением. И среди участников похода Ипсиланти были славяне. Пушкин записывал их рассказы и песни. В своих воспоминаниях о Пушкине Липранди говорит о „двух современных исторических, народом сложенных песнях, которые... в особенности занимали Александра Сергеевича. Первая, из Валахии, достигла Кишинева в августе 1821 года; вторая, в конце того же года. Куплеты из этих песен беспрерывно слышны были на всех улицах, а равно исполнялись и хорами цыганских музыкантов. Кто из бывших тогда в Бессарабии

¹ См.: Н. В. Измайлов. Поэма Пушкина о гетеристах. „Пушкин. Временник Пушкинской комиссии“, вып. 3, 1937, стр. 339—348.

и особенно в Кишиневе не помнит непрерывных повторений: «Пом, пом, пом, помирами, пом» и «Фронзе верде шадала, Савва Бим-баша!». Первая из них сложена аллегорически на предательское умерщвление главы пандурского восстания Тодора Владимирески по распоряжению князя Ипсиланти в окрестностях Тырговишта. Вторая — на такую же предательскую смерть известного и прежде, а во время гетерии храбрейшего Бим-баша Саввы, родом болгарина, подготовившего движение болгар, коим Ипсиланти не умел воспользоваться... Александр Сергеевич имел перевод этих песен; он приносил их ко мне, с тем, чтобы проверить со слов моего арнаута Георгия¹.

Наряду с участниками похода Ипсиланти и другие славяне, деятели славянского движения на Балканах, привлекали внимание Пушкина. Идея освобождения славян близка была и русским, одушевленным идеями свободы и революции. Именно на юге эта славянская идея послужила основанием к организации тайного революционного общества Объединенных славян. Возможно, что Пушкин и не был посвящен в политические планы этого общества и не знал о проекте славянской федерации, но трудно допустить, что до него не доходили разговоры на подобные темы. По рассказам Липранди, Пушкин мог получать сведения о славянском движении от своего приятеля Николая Степановича Алексеева, который занимался выпиской из архива дипломатических сношений с Сербией по поручению Киселева. „Главное же, Пушкин очень часто встречался у меня с сербскими воеводами, поселившимися в Кишиневе, Вучичем, Ненадовичем, Живковичем, двумя братьями Македонскими и пр., доставлявшими мне материалы. Чуть ли некоторые записки Александр Сергеевич не брал от меня, положительно не помню... От упомянутых же воевод он собирал песни и часто при мне спрашивал о значении тех или других слов для перевода“². Липранди рассказывает, как во время совместной поездки по Бессарабии Пушкин встретился с семейством Славича, жившего в Измаиле, и „свояченица хозяйина продиктовала ему какую-то славянскую песню; но беда в том, что в ней есть слова иллирийского наречия, которых он не понимает, а она, кроме своего родного и итальянского языка, других не знает, но... завтра кого-то найдут и растолкуют“³.

Из подобных песен и рассказов возникло стихотворение „Дочери Карагеоргия“, написанное еще в первое время кишиневской жизни, 5 октября 1820 года. Карагеоргий сам одно время был в Хотине, там жила его семья. Портрет Георгия Черного, нарисованный Пушкиным, является во всех отношениях воображаемым. Он выдержан в строго романтической манере:

Гроза луны, свободы воин,
Покрытый кровию святой,

¹ „Русский архив“, 1866, стб. 1407—1408.

² Там же, стб. 1266—1267.

³ Там же, стб. 1279.

Чудесный твой отец, преступник и герой,
 И ужаса людей и славы был достоин...

 Таков был: сумрачный, ужасный до конца.

Эти намеки на реальные факты биографии Георгия (убийство отца) приобретают здесь весьма нереальную окраску. Они еще очень далеки от того образа Георгия Черного, какой позднее мы встретим в „Песнях западных славян“.

Здесь же в Кишиневе Пушкин заинтересовался судьбой болгарина Георгия Кирджали, история которого позднее явилась сюжетом его повести. Кирджали был в отрядах Ипсиланти, вместе с разбитыми остатками отрядов перешел Прут у Скулян и некоторое время жил в Кишиневе. Однако, как известный своими разбоями, он не мог пользоваться правом убежища и по требованию турецких властей был им выдан. Эта выдача произошла в дни пребывания Пушкина в Кишиневе. Подробности истории Кирджали Пушкин узнал от чиновника канцелярии Инзова — Лекса. Еще в Кишиневе Пушкин начал стихотворение, посвященное этой выдаче Кирджали турецким властям. Стихотворение осталось незаконченным. Оно было озаглавлено Пушкиным „Чиновник и поэт“ и представляет собой любопытный автопортрет Пушкина.

„Куда вы? за город конечно,
 Зефиром утренним дышать
 И с вашей Музой мечтать
 Уединенно и беспечно?“
 — Нет, я собираюсь на базар.
 Люблю базарное волнение,
 Скуфы жидов, усы болгар
 И спор и крик, и торга жар,
 Нарядов пестрое стеснение.
 Люблю толпу, лохмотья, шум —
 И жадной черни лай свободный.
 „Так — наблюдаете — ваш ум
 И здесь вникает в дух народный...“.

Так, „вникая в народный дух“, Пушкин ловил впечатления от пестрой толпы, обогащая живыми наблюдениями рассказы о народных волнениях.

К этому же времени относятся и не дошедшие до нас повести Пушкина из того же цикла тем. Мы знаем о них из рассказа Липранди: „Каравия, Пендадека и Дука были отвержены кишиневским греческим обществом; но я не находил нужным делать того же, напротив, как говорится, приглубил их, особенно Дуку, и в частных беседах с ним извлекал из него то, что мне было нужно. Пушкин часто встречал их у меня и находил большое удовольствие шутить и толковать с ними. От них он заимствовал два предания, в несколько приемов записывал их, и всегда на особенных бумажках. Он уехал

в Одессу. Через некоторое время я приехал туда же на несколько дней и, как всегда, остановился в клубном доме у Отона, где основался и Пушкин. Он показал мне составленные повести; но некоторые места в них казались ему неясными, ибо он просто потерял какой-то лоскуток и просил меня, чтобы я вновь переспросил Дуку и Пендадеку и выставил бы года лицам, точно ли они находились тогда в Молдавии. Рассказчики времени не знают. «С прозой — беда! — присовокупил он, захохотав. — Хочу попробовать этот первый опыт». Я это исполнил, с дополнением еще от случайно в это время ко мне вошедшего Скуфо, также одного из проклятых Ипсилантием, и вскоре передал Пушкину¹. Липранди утверждает, что у него были копии законченных рассказов Пушкина, и сообщает их названия: „Дука, молдавское предание XVII века“ и „Дафна и Дабижа, молдавское предание 1663 года“.¹

До нас эти повести Пушкина не дошли.

Однако есть возможность восстановить содержание повестей Пушкина. В „Сыне отечества и Северном архиве“ 1838 года (т. I, февраль, стр. 230—239) была напечатана молдавская повесть „Дабижа“ (за подписью Болеслав Хиждеу). Она и передает содержание предания, рассказанного Пушкиным. Истрат Дабижа был молдавским господарем. У него была прекрасная дочь Домница Дафна. Поддельваясь под тон молдавских преданий, Хиждеу пишет: „Богат и велик господарь Истрат Дабижа: но он богат не золотом венгерским и не серебром ляшским, как Василий Лупула, а богат дочерью Домницею Дафною...“. Точно так же, следуя стилю предания, описывается красота Дафны: „И прекрасна была дочь его Домница Дафна, прекраснее брындуши, развивающейся раннею весною, прекраснее яблока домнинского, созревающего позднею осенью. Стан ее был так строен, как одобешская лоза или как византийская тополь, возвышающаяся над берегами Днестра. Глаза у ней были голубые, словно лицо неба, а брови черные, словно крыло ворона. Светлые русые волоса, словно золото, носимое на волнах реки золотой Быстрицы, вились узорчатыми локонами около шеи ее, белой как грудь дунайского лебедя“. При дворе Истрата служил молодой арнаут Василий Дука. Он любил Дафну, но Дафна не любила его. Дука известен был своим умом, но душа его была мрачна и коварна. Однажды во дворце Дабижи было празднество. Дафна решила расстаться с миром и уйти в монастырь. Василий Дука был мрачен и суров. По поручению Истрата он вышел с пира, и здесь у него родился план овладеть Дафной против ее воли. Он поджег дворец и во время пожара вывел из дворца Истрата и Дафну. На следующий же день Истрат, благодарный за спасение дочери и не подозревая коварства, выдал Дафну замуж за Дуку, а вместе с тем произвел его в чин великого вистерника. По летописям это произошло в 1663 году. После смерти Дабижи (1666) Дука стал господарем. Рассказ заканчи-

¹ „Русский архив“, 1866, стр. 1409—1410, 1411.

вается словами: „Не долго княжна знала радости брака! говорит летописец Нестор Уреке. Дука, получив господарство, завел у себя гарем и держал шестерых наложниц. От брака с Дафною он имел только одного сына, Константина, который был господарем с 1693 по 1696 и с 1701 по 1704 год“.

Совпадение имен и даты не оставляет никакого сомнения, что рассказ Б. Хиждеу передает то самое предание, которое положил в основу своего рассказа и Пушкин.

Другое предание — Дука — изложено А. Хиждеу на страницах последнего номера „Вестника Европы“ Каченовского (1830, № 23 и 24, декабрь, стр. 181—197). В журнале повесть называется „Дука. Молдавское предание“. Речь идет о том же Василии Дуке. Начинается рассказ с пятого года господарства Дуки. Под тираническим правлением Дуки Молдавия бедствует. Дуку народ ненавидит за его злодеяния. И пока князь находится с войском под стенами Вены, его противники обдумывают, как прекратить жестокости тирана и вернуть стране свободу и счастье. И вот, в старом замке в Формосе собрались заговорщики, съехавшиеся со всех сторон. Здесь решено было свергнуть Дуку и избрать господарем Стефана Петричейко. Дука вернулся домой с небольшим отрядом. Войско его полегло в бессмысленном походе. Зато Дука привез пленницу из сераля великого визиря и ее провозгласил княгиней. На пиру у Дуки собрались его бояре. Но когда провозглашали здравие за князя Дуку, боярин Табакану воскликнул: „За здоровье и долголетие великого господаря князя Стефана Петричейки!“. Замок был окружен заговорщиками. Явившийся Стефан схватил Дуку и заключил его в тюрьму, наложив на него колодки. Предание кончается сценой смерти Дуки. Его в разорванном плаще везут на телеге. Увидев проходящую старуху с ковшом молока, он властно требует этого молока. Старуха сперва отказывает, так как дети ее голодают: „Ты верно и сам слышал о сребролюбии господаря Дуки. Он разорил богатую Молдавию“. Но решив, что колодник сам жертва Дуки, она сжалилась над ним: „Подкрепи себя молоком; но если в сие самое время злой губитель пирует, то да превратится сладкий напиток в отраву для него!“. Дука выпил молоко и здесь же начал исходить кровью. Таков был конец тирана.¹

Две эти повести представляют внутреннее единство: это рассказ о возвышении и гибели тирана. Коварный захват власти, восстание недовольных, жалкая смерть — воздаяние за разорение страны, — всё это представляло несомненный интерес для Пушкина, тем больший, что услышал он эти предания от участников революционного похода, героев Скулянской битвы, собственная судьба которых так привлекала Пушкина.

¹ Опыт подробной реконструкции обеих молдавских повестей см. в настоящем сборнике в статье Г. Ф. Богача.

5

Не совсем понятно, что заставило Пушкина обратиться в 1821 или 1822 году к мифу об Актеоне. В сохранившихся планах этот миф соединен с мифом об Эндимионе и о Диане, которая, очевидно, и должна была явиться основной героиней поэмы. Упоминание Дианы и Эндимиона мы находим еще в „Руслане и Людмиле“, и возможно, что уже тогда Пушкин думал о поэтической обработке этого сюжета:

В молчаньи дева перед ним
Стоит недвижно, бездыханна,
Как лицемерная Диана
Пред милым пастырем своим. . .

(Песнь четвертая, эпизод Ратмира
и двенадцати дев).

Повидимому, Пушкин собирался обработать этот миф пародически. Во французском плане мы встречаем такие выражения: „Актеон — фат“, „скандалезная история Дианы“. Сохранившийся стихотворный отрывок поэмы („В лесах Гаргафии счастливой“) не достаточно велик, чтобы уловить тон повествования.

Гораздо понятнее обращение Пушкина к сюжету сказки о Бове. Эта сказка была известна Пушкину с раннего детства. В стихотворении „Сон“ (1816) он вспоминал рассказы мамушки „о подвигах Бовы“. В 1814 году он, следуя примеру Радищева, начал „русским размером“ вольное повествование о Бове. Теперь он решил пересказать эту сказку в форме поэмы.

Сказка о Бове, получившая широкое распространение в рукописных списках, в устной передаче, в лубочных картинках, представляет собой сложное повествование о судьбе героя и его многочисленных приключениях. Запомнить ее содержание можно только неоднократно прослушивая ее. Повидимому, в наивном пересказе няни эта авантюрная история запечатлелась в юной памяти Пушкина и прочно сохранилась на всю жизнь.

Действие сказки переносится с места на место, и везде выступают новые персонажи. Начинается она с событий в городе Антоне. Милитриса, выданная замуж за немолого и уже немолодого Гвидона, не может забыть своего возлюбленного короля Дадона. Коварством она добивается того, что Дадон изменнически убивает Гвидона и воцаряется в городе Антоне. Но он страшится мести Бовы — еще юного сына Гвидона и Милитрисы. Мать заключает королевицу в темницу в угоду мужу. Девушка, служанка Милитрисы,¹ освобождает Бову и за это сама ввергается в подземелье. Эта начальная часть сказки является основой свободного пересказа лицейского времени. При этом Пушкин переименовал Гвидона в Бендокира Слабоумного, вывел на сцену егс

¹ В некоторых вариантах сказки она названа Чернавкой. Это имя находится в списке имен действующих лиц поэмы, составленном Пушкиным в 1822 году.

тедь, уделил особое внимание второстепенному персонажу — служанке и назвал ее Зоинькой. Кроме того, в повествование введены сатирические сцены царского совета в духе „Трумфа“ И. А. Крылова.

Но всё это является, собственно, прологом к самым приключениям Бовы. Спасенный из тюрьмы, скрывая свое происхождение, Бова начинает свои скитания. Подобранный корабельщиками (по плану сказки 1822 года, взятый разбойниками), Бова прибывает в Армянское царство к Зензевею. Царь Зензевей, плененный красотой юноши, покупает его. Дочь Зензевея Дружневна влюбляется в Бову, и здесь узел всей сказки. Между тем являются претенденты на руку Дружневны: Маркобрун и сын задонского царя Салтана Лукопер великан. В плане поэмы Пушкин отождествил Салтана с Маркобруном: по его плану Лукопер — сын Маркобруна. Бова совершает ряд подвигов, признается Дружневне в своем происхождении и затем убивает Лукопера. С этого признания Пушкин и собирался начать поэму, а предшествующие события изложить в рассказах Бовы. Здесь он до известной степени воспроизводил построение „Бовы“ Радищева. В дальнейшем завистники Бовы, обманно пользуясь именем Зензевея, отправляют Бову в Задонское царство к отцу убитого Лукопера. Тот хочет его казнить, но в Бову влюбляется дочь царя Мельчигрея. Бова не разделяет ее склонности, верный Дружневне, и ввергается в тюрьму, но при помощи меча-кладенца освобождается, переживает ряд приключений, совершает подвиги, соединяется с Дружневной, снова теряет ее и снова находит. Кончается сказка мезью врагам: Бова убивает Дадона, заключает в тюрьму Милитрису (по другому варианту заковывает ее в дубовую бочку), освобождает из тюрьмы служанку Милитрисы и расправляется с врагами. Во время этих путаных приключений с ним происходят различные эпизоды, отчасти отразившиеся в плане поэмы Пушкина. Так, во время его поездки в Задонское царство его обкрадывает некий „пилигрим“. В дальнейшем Бова разыскивает этого пилигрима, отнимает украденное и в качестве вознаграждения забирает три зелья: одно сонное, другое черное и третье белое; если умыться черным, то становишься как уголь, белое возвращает белизну. Эти три зелья помогают Бове в его приключениях. Другой эпизод, попавший в план Пушкина, — встреча с богатырем Полканом: у него по пояс песьи ноги, а от пояса до головы он человек. Полкан был послан в погоню за Бовой после одного из его бегств. Но после боя Полкан и Бова заключают союз и вместе побеждают врагов.

Первый план поэмы близко следует сказке (с указанным упрощением: царь Салтан назван Маркобруном, вследствие чего выпадают некоторые приключения). Второй план представляет более свободную обработку начальных эпизодов сказки. Эта обработка принадлежит собственно Пушкину, а не является передачей какого-либо ходившего варианта сказки. Об этом говорят последние слова плана; дойдя до эпизода с тремя зельями, Пушкин прекращает изложение и пишет:

„По сказке“, т. е. делает указание, что в дальнейшем он собирается следовать сказочным событиям без изменений. Главные отступления от сказки в этом втором плане следующие: Зензевей (или, по сказке, завистник от имени Зензевей) не посылает Бову к Салтану, а, узнав, что Бова провел ночь у Дружневны, изгоняет его из своего царства. Бова, странствуя после своего изгнания, освобождает разбойника, и тот в благодарность обязуется сослужить ему три службы. В Задонское царство Бову приводят воины задонского царя (по Пушкину Маркобруна). Мельчигрея оказывается чародейкой, а старец-пидигрим, обокравший Бову и усыпивший его, был ею подосланный дух. „Службы“ разбойника освобождают Бову.

Если эпизод с разбойником вполне в духе русских сказок и, помимо того, приближал Пушкина к занимавшим его темам, то превращение Мельчигреи в чародейку направляло повествование по традиционным путям рыцарских романов и поэм. Мельчигрее приписывались свойства не то Наины, не то Армиды или героинь Ариосто. Это свидетельствует о том, что у Пушкина еще не определилось его отношение к сказочным темам. Обработка сказки о Бове была пробой. Чувствуя себя неуверенным, Пушкин и не пошел далее планов и набросков начала поэмы.

Этих набросков три: два первых относятся к одному замыслу. Они написаны одинаковым стихотворным размером.

Кого союзником и другом
Себе ты выбрал, Зензевей,
Кто будет счастливым супругом
Царевны дочери твоей?
Она мила как ландыш мая,
Резва как лань Кавказских гор.

Эти стихи являются зачином поэмы и говорят о том времени, когда к Зензевею стали являться женихи Дружневны. Другой набросок относится ко времени, когда началась война за обладание Дружневной:

Зачем раздался гром войны
Во славном царстве Зензевей,
Поля и села зажжены...

Другое начало поэмы написано более длинным стихом — пятистопным ямбом. Этим размером Пушкин уже написал „Гаврииладу“, но отсюда еще нельзя заключить, что и новая поэма задумывалась в том же тоне иронии: данный размер обладает возможностью передавать весьма разнообразные оттенки настроения. Но звучит он медленнее четырехстопного ямба, а потому описания приобретают больше торжественности и пышности:

Народ кипит, гремят народны клики
Пред теремом грузинского владыки,
Съезжаются могучие цари,
Царевичи, князья, богатыри...

Как видим, и здесь речь идет о женихах Дружневны.

В этих стихах действие перенесено из Армянского царства в Грузию. Пушкин, видимо, заботился о колорите в обстановке действия. Возможно, что и сравнение героини с ланью Кавказских гор в первом варианте не случайно: Пушкин хотел внести в поэму свои впечатления от посещения Кавказа.

К сожалению, планы поэмы дают представление лишь о внешней сюжетной стороне задуманного произведения. Мы не имеем права гадать о внутренней его структуре: слишком незначительны по объему и охвату темы сохранившиеся стихотворные наброски, едва намечающие развитие действия. Во всяком случае, эта разработка сказочного сюжета еще очень далека от позднейших сказок Пушкина. В этом отношении и дошедших стихов достаточно, чтобы убедиться в отсутствии того колоритно-народного сказа, которым с первых же строк окрашены пушкинские сказки 30-х годов. Здесь сказочный сюжет — лишь авантюрная основа для поэмы богатырских подвигов и романических приключений.¹

В эпилоге „Кавказского пленника“ Пушкин дал обещание, что его муза

Расскажет повесть дальних стран,
Мстислава древний поединок...

К этому месту он сделал примечание: „Мстислав, сын св. Владимира, прозванный *Удалым*, удельный князь Тмутаракана (остров Тамань). Он воевал с косогами (по всей вероятности, нынешними черкесами) и в единоборстве одолел князя их Редедю. См. *Ист. Гос. Росс. Том II*“ (IV, 117).

Бой Мстислава с Редедей, поминаемый в „Слове о полку Игореве“, привлек внимание Пушкина потому, что произошел на севере Кавказа, в местах, которые посетил он в 1820 году. Критика приветствовала обещание Пушкина, так как не отказывалась от надежды прочитать

¹ В те же дни, когда Пушкин обдумывал план поэмы о Бове (последние числа июня 1822 года), он сделал большую выписку — конспект из „Histoire littéraire d'Italie“ П. А. Женгене (т. IV, 1812, стр. 176—183), содержащую краткий пересказ строй итальянской поэмы в октавах „*Вивоно d'Antona*“, относящейся к первой половине XIV века. Сюжет поэмы в первой своей части совпадает со сказкой о Бове. В этой части Пушкин выписал только начало пересказа, опустив дальнейшее и отметив только: „остальное как в русской сказке“. Пересказ продолжения поэмы после воцарения Бовы в Антоне Пушкин полностью проконспектировал, равно как вкратце изложил исторические сведения об этой поэме. Женгене называет данную поэму „древнейшим эпическим романом“ (в конспекте Пушкина „древнейшая романтическая поэма“). В этом же смысле Пушкин называет эту поэму в приписке к письму Вяземскому 25 мая 1825 года, говоря об исторических ошибках Полевого. Здесь она приводится как доказательство возникновения романтизма в Италии. Конспект Пушкина полностью напечатан в книге: *Рукою Пушкина*. Подготовили к печати М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер, изд. „Academia“, 1935, стр. 486 и сл.

когда-нибудь настоящую эпическую поэму на русскую историческую тему. Ждали подобной поэмы представители разных литературных направлений. Особый смысл в свои ожидания вкладывали писатели декабристского лагеря. Об этом уже говорилось в связи с темой о Вадиме.

В 1822 году Пушкин приступил к осуществлению своего обещания. Сделав несколько конспективных исторических записей, он приступил к составлению плана поэмы. С первых же слов плана мы видим, что Пушкин не слишком стремился следовать истории. Его более привлекали сказочные предания о богатырях и их подвигах. Поэтому он соединил исторический сюжет о Мстиславе и его распре с косогами с былинной повестью об Илье Муромце, осложнив повествование всякими волшебными приключениями.

В сказке о Бове говорится о Задонском царстве, где исповедуют какую-то латынскую веру в бога Ахмета. Не трудно было вообразить, что Задонское царство расположено в области косогов. Это же самое Задонское царство Пушкин нашел в сборнике Кирши Данилова „Древние российские стихотворения“. Вот краткое содержание былины, названной в сборнике „Илья ездил с Добрынею“. Из Киева отправляются на подвиги два могучие богатыря Илья Муромец и его названный брат Добрыня Никитич.¹

Говорит Илья Муромец Иванович:
„Гой еси ты, мой названой брат,
Молодой Добрынюшка Никитич млад!
Поезжай ты за горы высокие,
А и я, дескать, поеду подле Сафат реки“.

Добрыня поехал в горы и повстречал бабу Горынынку, с которой и сразился. Тем временем Илья Муромец ездил подле Сафат реки и здесь наехал на молодого богатыря Збута Бориса королевича.

И наехал Збут королевич млад,
Напущается он на старого,
На стара козака Илью Муромца,
И стреляет Илью во белы груди,
Во белы груди из туга лука;
Угодил Илье он во белу грудь.

Однако могучему Илье легко достается победа над молодым Збутом:

Не стреляет он Збута Бориса королевича —
Его только охватил во белы руки
И бросает выше дерева стоячего.

¹ Цитирую по изданию К. Калайдовича 1818 года, которым, вероятно, пользовался Пушкин. С незначительными пропусками былина напечатана и в издании 1804 года.

Побежденного Збута Илья допрашивает:

Ты скажись мне, молодец, свою дядину, отчину.

После невежливого ответа избитый Збут принужден дать просимый ответ:

„Я того короля Задонского“.
А втапормы Илья Муромец Иванович
Гляючи на свое чадо милое —
И заплакал Илья Муромец Иванович:
„Поезжай ты Збут Борис королевич млад,
Поезжай ты ко своей, ты ко своей сударыне матушке...“.

Приехав к матери, Збут рассказал о встрече с Ильей. На этот рассказ мать Збута

Разилася о сыру землю
И не может во слезах слово молвити:
„Гой еси ты, Збут Борис королевич млад!
Почто ты напушался на старого?
Не надо бы тебе с ним драться,
Надо бы съехаться в чистом поле,
И надо бы тебе ему поклониться
О праву руку до сырой земли;
Он по роду тебе батюшка, старой козак
Илья Муромец, сын Иванович“.

Былина оканчивается описанием боя с Горыниной, которую Добрыня одолев только с помощью Ильи Муромца. Горынинка ведет богатырей к погребцу, где много золота, серебра и цветного платья, награбленного на Руси. Горынинке отсекают голову.

Место действия — горная страна, Задонское царство, время действия — при князе Владимире, — всё это позволило сблизить исторические предания о Мстиславе с содержанием былины про бой Ильи с сыном. Не исключена возможность, что былину эту Пушкин знал не только по „Древним российским стихотворениям“, но и в других вариантах, и в устной передаче, например, в форме сказки. В стихотворении „Сон“ (1816) Пушкин, говоря о рассказах мамушки, соединяет сказочные и былинные мотивы:

Терялся я в порыве сладких дум;
В глуши лесной, средь муромских пустынь
Встречал лихих Полканов и Добрыней,
И в вымыслах носился юный ум...

Пушкинский план поэмы „Мстислав“ начинается с исторической обстановки: „Владимир, разделив на уделы Россию, остается в Киеве“. Далее следуют былинные события: „молодые богатыри со скуки разъезжаются; с ними Илья Муромец и Добрыня“. То, что этот эпизод связан с былиной, показывает дальнейшее: „Илья едет далее, встречает своего сына, сражается с ним“. К этой же теме Пушкин возвра-

щается в отдельных приписках к плану. В одной из них говорится: „Илья хочет представить сына Владимиру, вместе едут“. Повидимому, это принадлежит собственной фантазии Пушкина. Но другая приписка свидетельствует о том, что ему известен был и другой вариант былины. Говоря о татарской царевне, у которой родился сын от Ильи, Пушкин продолжает: „она вышла замуж, объявила сыну, сын едет отыскивать отца“ (V, 157). Такой вариант былины о сражении Ильи Муромца с сыном существует.

В плане поэмы поездка в горы мотивирована тем, что на Киев нападают печенеги и Владимир посылает гонцов за сыновьями. Илья едет в горы за Мстиславом, находит его и везет в Киев.

Пребывание Мстислава осложнено романтическим эпизодом в духе рыцарских романов и поэм Ариосто и Тассо. „Царевна косогов влюбляется в Мстислава. Ее мать волшебница: старается заманить Мстислава. Мстислав упорствует ее прелестям. Она в сражении его увлекает под видом косога, убившего его друга; превращается вновь (т. е., повидимому, принимает свой женский облик). Мстислав на острове наслаждений“. К тому же относится и эпизод, находившийся в первом плане: „Мстислав влюбляется в их (т. е. косожскую) царевну (Амазонку — Армиду)“. Имя Армиды показывает на литературные ассоциации Пушкина. „Остров наслаждений“ — традиционный и обязательный эпизод рыцарских поэм, повторяющихся в разных вариантах историю Цирцеи из „Одиссеи“. Чародейка увлекает на этот волшебный остров героя. Таков волшебный остров Альчины, куда попадает Руджери в поэме Ариосто (песнь VI), таковы волшебные сады Армиды. Отражение подобного эпизода имеется и в „Руслане и Людмиле“.¹ Этот эпизод являлся общим местом сказочных авантюрных поэм.

Не новым изобретением являются языческие боги, изгнанные крещением и одушевляющие в борьбе против русских соединенные народы, нападающие на Киев. Так же во „Владимире“ Хераскова Перун и другие языческие боги вмешиваются в события, чтобы воспрепятствовать крещению Руси. Точно так же эпизод, в котором пустынный пророк Илье будущее России, является общим местом почти всех эпических поэм.

Эти эпизоды, которыми Пушкин хотел придать своему замыслу „эпический“ характер, наименее оригинальны в его планах. Повидимому, Пушкин и сознавал это. В одном месте плана он ограничи-

¹ В. А. Закруткин в своей работе „План поэмы о Мстиславе Удалом (1822)“ придает, как мне кажется, излишнее значение этому упоминанию Армиды и ставит план Пушкина в зависимость от „Освобожденного Иерусалима“ Тассо (см.: Пушкин и Лермонтов, стр. 130—136). Имя Армиды было нарицательным. Пушкин часто упоминал Армиду в значении обольстительной красавицы и в то же время „решительно не любил Тасса“ (письмо М. П. Погодина С. П. Шевыреву 11 мая 1831 года. „Русский архив“, 1882, кн. III, № 6, стр. 185).

вается простой цитатой из „Орлеанской девственницы“ Вольтера: „Царевна за ними едет—она пристает к печенегам—Сражение— de grands combats et des combats encore“.

Это — цитата из XV песни поэмы Вольтера, где говорится о военных эпизодах как обязательном украшении эпических поэм:

Oh! que ne puis-je en grands vers magnifiques
Écrire au long tant de faits héroïques!
Homère seul a le droit de conter
Tous les exploits, toutes les aventures,
De les étendre et de les répéter,
De supputer les coups et les blessures,
Et d'ajouter aux grands combats d'Hector
De grands combats et des combats encor:
C'est là sans doute un sûr moyen de plaire.¹

Это место напоминает строфы о Гомере из первого издания пятой главы „Евгения Онегина“ (строфа XXXVIII):

Что ж до сражений, то немного
Я попрошу вас подождать:
Извольте далее читать;
Начала не судите строго;
Сражение будет. Не солгу,
Честное слово дать могу.

Только этим ироническим отношением к обязательным атрибутам эпических поэм, как волшебства, пророчества, сражения, можно объяснить цитату из пародической поэмы Вольтера.

Гораздо свободнее пользуется Пушкин былинно-сказочными эпизодами. В первом плане поэмы мы, например, находим зачеркнутую фразу: „Меч Еруслана об двух ударах“. Еруслан введен сюда не случайно: сказку о Еруслане сближает с былинной об Илье наличие в ней эпизода боя отца с сыном, причем в сказке, как и в плане поэмы Пушкина, сын едет разыскивать отца, но не узнает его при встрече. Кроме того, в сказке упоминается Задонское царство (откуда родом богатырь, чью голову встречает Еруслан). Меч об двух ударах — это тот меч, который отдает Еруслану богатырь (единственный эпизод из сказки, перешедший в „Руслана и Людмилу“). Первым ударом меч поражает врага, второй удар имеет обратное действие. Этим мечом в поэме Пушкина Мстислав поражает колдуна. Всё это нельзя назвать общими местами: со сказочными эпизодами Пушкин обращается с большей свободой, с большей творческой самостоятельностью и поэтическим произволом выбора.

¹ „Ах! отчего мне не дано воспевать пышными стихами по порядку столько геройских подвигов! Только Гомер вправе повествовать о всех этих деяниях и приключениях, входить в подробности и повторять, подсчитывать удары и раны и прибавлять к великим битвам Гектора великие битвы и еще битвы: в этом, несомненно, заключается верное средство нравиться“.

Былинно-сказочные и эпические эпизоды соединены с некоторыми историческими фактами, введенными в план поэмы. Пушкин конспектирует по Карамзину обстоятельства, при которых должно развертываться действие. Из первого тома „Истории государства Российского“ Пушкин выписал перечень детей Владимира и разделение страны на уделы (изд. 2-е, 1818, стр. 202—203 и 220). От всего этого в плане поэмы только начальная фраза: „Владимир, разделив на уделы Россию, остается в Киеве“.

В исторической выписке имеется запись: „1000 года XI век“. Смысл этой записи не совсем понятен. Но возможно, что Пушкин хотел приурочить события поэмы к 1000 году. О событиях этого года Карамзин пишет в примечании 483 первого тома:

„Здесь открылось *Никонов. Летописцу* свободное поле для вымыслов. Желая наполнить пустоту в древней летописи, он сказывает, что в 1000 году Володарь, забыв благодеяния великого князя, шел осадить Киев с *половцами* (которых имя в сие время было еще неизвестно в России); что Владимир находился тогда в Дунайском Переяславце; что богатырь его Александр Попович умертвил Володаря и разбил половцев; что Владимир за такую храбрость надел на Поповича золотую гривну и сделал его *вельможею в палате своей*; что в тот же год умер Рахдай *Удалой*, разливались воды и были у Владимира послы от папы, от королей Богемского и Венгерского; что в 1001 году Александр Попович и Ян *Усмошвец*, убивший некогда великана печенежского, разогнали множество печенегов и привели в Киев князя их Родмана; что обрадованный Владимир дал *светлый* праздник народу“ и т. д. События эти не отразились в плане; так, например, нет упоминания половцев (если не предполагать, что Пушкин имел их в виду в фразе плана: „На Россию нападают с разных сторон все враги ее“; в другом месте — „соединенные народы“). Вообще же история мало отразилась в планах поэмы.¹

Повидимому, Пушкина мало смущали и хронологические пределы действия поэмы: разделение на уделы отнесено у Карамзина к 988—990 годам (в летописи к 6496, т. е. к 988 году), а битва Мстислава с Редедей относится к 1022 году, уже после смерти Владимира. Хотя эта битва и не упоминается в планах поэмы, но она является, несомненно, отправным событием в приключениях Мстислава в стране косоогов. Таким образом, Пушкин уклонился от выполнения того, чего ожидали от него критики, обрадованные обещанием в эпилоге „Кавказского пленника“; он вовсе не собирался писать эпическую поэму в классическом понимании этого жанра: он не хотел изображать исторические события, хотя бы и с примесью фантастики, допускавшей законы жанра. Исторические события явно отведены на второй

¹ Исторические источники „Мстислава“ подвергнуты были анализу в упомянутой работе В. А. Закруткина (Пушкин и Лермонтов, стр. 124—129).

план, а прежде всего выступают сказочно-былинные эпизоды с присоединением нескольких обязательных положений, привычных в эпических поэмах, а особенно в рыцарских.

Сказать что-нибудь окончательное и точное о жанре, в котором предполагал Пушкин разработку данного сюжета, мы не можем. От поэмы до нас не дошло ни одного стиха. Канва событий под пером Пушкина могла принять самый неожиданный характер. Связь с поэмой типа „Руслан и Людмила“ несомненна. Но этот жанр для Пушкина был уже в прошлом.

Единственно, что явствует из поэмы,—это интерес Пушкина к народному творчеству, к былинам и сказкам, который в „Мстиславе“ проявляется в большей степени, чем в „Руслане и Людмиле“, но попрежнему в переплетении со сказочными мотивами, чуждыми русскому народному творчеству. Быть может, это и было одной из причин, почему Пушкин не написал данной поэмы, несмотря на то, что ее ожидали от него представители разных литературных направлений.

Обозрение неоконченных произведений и неосуществленных замыслов Пушкина кишиневского периода показывает, куда направлялись интересы Пушкина и какие события получали отражения в его замыслах. Прежде всего следует отметить тесную связь части этих произведений с народными движениями: крестьянские волнения отражались в „Братьях разбойниках“, национально-освободительная революция на Балканах—в поэме о гетеристах, а наброски трагедии и поэмы о Вадиме, перенося нас в далекое прошлое, по существу изображали революционное движение декабристов.

Самое понимание революционного движения в эти годы не укладывалось для Пушкина в представление о дворянском перевороте без участия народа. Наоборот, именно демократические формы народных движений получали отражение в его замыслах.

В связи с этим особое значение получает то внимание, которое в этих замыслах обращено на народное творчество: песни, сказки, былины. В них Пушкин искал, повидимому, не только сюжетного материала, но и выражения народного сознания.

Однако, связанный еще романтической системой и литературной традицией, Пушкин не нашел художественных форм для воплощения этих замыслов. Только в дальнейшем, при победе реалистического начала в его творчестве, сюжеты, почерпнутые из народной поэзии, нашли подлинное и полное выражение в „Сказках“ Пушкина, в его „Песнях западных славян“, „Русалке“ и других произведениях.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

III У III Ю III III
ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

ТРУДЫ ТРЕТЬЕЙ ВСЕСОЮЗНОЙ
ПУШКИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА - 1953 - ЛЕНИНГРАД